

- - [Беседы о покаянии](#)
 - [О покаянии, по возвращении из села](#)
 - [О покаянии и о печали царя Ахаава, а также и о пророке Ионе](#)
 - [О милостыне и о десяти девах](#)
 - [О покаянии и молитве](#)
 - [О посте, также о пророке Ионе, Данииле, и о трех отроках сказана пред наступлением святого поста](#)
 - [О посте, сказанная в шестую неделю святой Четыредесятницы](#)
 - [О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Раави](#)
 - [О покаянии](#)
 - [О покаянии и о тех, кто оставляют собрания; здесь же о священной трапезе и суде](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

Введение

Содержание

О покаянии, по возвращении из села

1. Помнили ли вы о нас, когда мы в течение этого времени были в разлуке с вами? Я так никогда не мог забыть вас, но, и оставив город, не оставил памяти о вас. Как любители красивых тел, куда бы не пошли, везде носят с собою любимый образ, так и мы, возлюбив красоту вашей души, всегда носим с собою прекрасный образ вашего духа. И как живописцы, смешивая различные краски, делают изображения тел, так и мы, вашу ревность к собраниям, усердие к слушанию, благосклонность к проповеднику, и все другие добрые дела смешав, как бы различные краски добродетели, начертали образ вашей души, и, поставив его пред очами ума, от созерцания его получали немалое утешение в разлуке с вами. И этим мы занимались постоянно — и когда сидели дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себе вашу любовь. И этим созерцанием услаждались мы не только днем, но и ночью; с нами тогда было тоже, о чем сказал Соломон: «аз сплю, а сердце мое бдит» ([Песн. V:2](#)); потребность сна смыкала наши вежды, но сила любви вашей пробуждала от сна очи души моей; и часто казалось мне, будто я во сне беседую с вами. И в самом деле, душа обыкновенно, ночью представляет то, о чем размышляет днем; это же было тогда и с нами: и не видя нас плотскими глазами, я видел вас очами любви, и не бывши с вами телом, был с вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашим воплем. Поэтому, хотя болезнь телесная и побуждала меня оставаться там (в селе) долее и пользоваться целительным для плотского здоровья воздухом, но сила любви вашей не позволяла этого, напротив, вопияла и не переставала докучать дотол, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащего времени и ваше сообщество поставить наравне и с здоровьем, и с наслаждением, и со всем, что только есть доброго. И мы, склонившись на ее убеждения, лучше захотели возвратиться с остатками болезни, чем, стараясь о совершенном исцелении от немощи телесной, опечаливать долее любовь вашу. Живя и там, я слышал ваши упреки, — частые письма доносили их до нас; и упрекающим я внимал не менее, чем хвалящим, потому что упреки те были выражением души, умеющей любить. Вот почему я встал и поспешно пришел; вот почему я никогда не мог выкинуть вас из своего ума! И что удивительного в том, что я, живя в селе и наслаждаясь свободой, помнил о вашей любви, когда Павел, обложенный узами, живя в темнице, и видя бесчисленное множество грозивших ему опасностей, — и в темнице, как бы среди луга, помнил о братьях, и писал им так: «якоже есть праведно мне сие мудрствовати о... вас, за еже имети ми в сердцы вас, во узах моих и во ответе и извещении благовестия» ([Филип. I:7](#))? Снаружи цепь от врагов, а внутри цепь любви к ученикам; но наружная (цепь) скована из железа, а внутренняя составлена из любви; ту часто он и снимал, а этой никогда не разрывал. Напротив, как жены, испытывавшие болезни рождения и сделавшиеся матерями, всегда привязаны бывают к своим детям, где бы они ни были, так, или еще гораздо крепче их, и Павел всегда привязан был к ученикам своим, и тем крепче, чем болезненнее духовное рождение плотского. В самом деле, и он был в муках рождения, и не однажды, но для одних и тех же дважды, и потому вопиял: «чадца моя, ими же паки болезную» ([Гал. IV:19](#)). Этого никогда не может испытать жена, никогда не вытерпит она в другой раз те же муки рождения; а Павел вытерпел то, чего нельзя видеть в природе, — он снова зачал тех, которых уже раз родил, снова перенес для них жестокие муки рождения. Поэтому, желая пристыдить их, он и говорил: «ими же паки болезную», как бы так говоря: пощадите меня; никакой сын в другой раз не подвергал матернего чрева мукам рождения, а вы заставляете меня терпеть это. Притом, те болезни мучат одно мгновение, и прекращаются, коль скоро дитя выйдет из утробы матерней, а эти не так, напротив, продолжаются даже по целым месяцам. Павел часто по целому году был в муках рождения, и не

мог родить зачатых им. Там труд плоти, а здесь болезни терзают не чрево, но поражают самую силу души. И чтобы увериться, что эти болезни (духовного рождения) тяжелее, (подумай), какая мать решилась, когда-либо пойти в геенну за своих детей? А Павел не только решается пойти в геенну, но и желает отлучен быть от Христа, только бы ему родить иудеев, для которых он всегда и непрерывно был в муках рождения; и как это не сбывалось, то он с горестью говорил: «скорбь ми есть велия, и непрестающая болезнь сердцу моему» ([Рим. 9:2](#)). И здесь опять: «чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас» ([Гал. IV:19](#)). Что блаженнее той утробы, которая могла рождать таких детей, кои способны иметь в себе Христа? Что плодоноснее той, которая родила всю вселенную? Что сильнее той, которая родившихся и возросших недоносков могла снова зачать и преобразовать? Это в естественных родах невозможно. Но почему Павел не сказал: «чадца моя», ихже паки рождаю, но: «имиже паки болезную», хотя в другом месте говорит о себе, что он рождает: «о Христе бо Иисусе ...аз вы родих» ([1 Кор. IV:15](#))? Потому, что там он хотел показать только сродство, а здесь старался выставить и труд. Как же он называет чадами тех, которые еще не родились? Если он болезнует, значит, еще не родил: как же называет чадами? Дабы ты знал, что он терпит уже не первые муки рождения, и этого довольно было, чтобы пристыдить их (галатян). Я, говорит, был уже раз отцом и перенес для вас, какие следовало, муки рождения; и вы раз сделали уже чадами: для чего же снова подвергаете меня вторичным мукам рождения: для чего же снова терзаете меня болезнями? В самом деле, падения верных причиняли ему не меньшую скорбь, чем и (грехи) еще неверовавших: невыносимо тяжело было видеть, как они (верующие), после участия в таких таинствах, уклонялись в нечестие. Поэтому он весьма горько и жалобнее всякой жены плакал и говорил: «чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас» ([Гал. IV:19](#)). А это говорил он для того, чтобы в то же время и ободрить и утешить (галатян). Показав, что Христос не вообразился в них, Павел поверг их в смущение и страх; а дав понять, что Он может вообразиться, — опять возбудил в них бодрость. Слова: «дондеже вообразится» — показывают и то, что (Христос) еще не вообразился, и то, что Он может снова вообразиться. Если б это было невозможно, то (Павел) напрасно бы и говорил им: «дондеже вообразится Христос в вас», и льстил бы их суетными надеждами.

2. Итак, зная это, не станем и мы отчаиваться, но и не будем совершенно беспечны: то и другое пагубно. Отчаяние не позволяет встать лежащему, а от беспечности падает и стоящий; то обыкновенно лишает приобретенных благ, эта не позволяет избавиться от постигших зол. Нерадение низвергает и с самого неба, а отчаяние сводит в самую бездну зла, тогда как отсутствие отчаяния скоро изводит и оттуда. Вот, смотри на силу того и другого. Дьявол прежде был добр; но, сделавшись беспечным и отчаявшись, пал в такую злобу, что после уже и не восстал. А что он был добр, — так послушай, что (Христос) говорит: «видех сатану, яко молнию с небесе спадша» ([Лук. X:18](#)). Сравнение с молнией показывает и светлость прежнего состояния, и быстроту падения. Павел был хулиитель, и гонитель, и обидчик; но как возревновал и не предался отчаянию, то и восстал и сделался равным ангелам. Напротив, Иуда был апостолом, но, предавшись беспечности, сделался предателем. Опять, разбойник, так как не отчаялся и после такой злой жизни, то прежде всех других вошел в рай; фарисей, по самонадеянности, упал с самого верха добродетели; мытарь, не поддавшись отчаянию, так исправился, что упредил и того (фарисея). Хочешь, покажу тебе и целый город, сделавший это? Так спасся целый город ниневитян. Хотя приговор повергал их в отчаяние, — так как (пророк) не сказал, что, если они покаются, то спасутся, но просто: «еще три дни, и Ниневия превратится» ([Ион. III:4](#)), — однако ж, не смотря на то, что Бог угрожал, и пророк вопиял, и приговор не допускал ни отсрочки, ни ограничения, они не упали духом, и не потеряли доброй надежды. Бог для того не сделал (в этом приговоре) ограничения и не сказал: если покаются, то

спасутся, чтобы и мы, когда услышим Божий приговор, произносимый без ограничения, тоже не отчаивались и не унывали, взирая на этот пример (ниневитян). Но человеколюбие Бога видно не из того только, что Он, хотя и не сделал ограничения в приговоре, однако ж примирился с покаявшимися, а даже из того, что произнес безусловный приговор. Он сделал это, чтобы увеличить (в ниневитянах) страх и поразить великую их беспечность. Да и самое время покаяния показывает неизреченное Его человеколюбие: что такое могли значить три дня, чтобы загладить столь великие пороки? Не видишь ли, как и отсюда открывается Божия попечительность? Она-то преимущественно и содействовала спасению этого города.

Итак, зная это, не будем никогда отчаиваться, потому что нет ни одного столь сильного оружия у дьявола, как отчаяние. И мы не так радуем его, когда грешим, как — когда отчаиваемся. Можешь видеть на блуднике, как Павел страшился отчаяния больше греха. Пиша к коринфянам, он так говорил: «отнюдь слышится в вас блужение, и таково блужение, якоже ни во языцех именуется» ([1 Кор. V:1](#)). Не сказал «на каковое не решаются даже между язычниками», но «ниже ...именуется», то есть, что у них не терпимо даже по имени, на то у вас дерзнули самым делом. «И вы разгордесте» ([1 Кор.5:2](#)). Не сказал: «и он (блудник) разгорделся», но, оставив согрешившего, обращается к здоровым, подобно тому, как поступают врачи, которые, оставив больного, много говорят с родными его. С другой стороны, и сами (здоровые) были причиною гордости его, потому что не осуждали и не утраивали его. Поэтому Павел сделал вину общою, чтобы удобнее было лечение раны. Худо грешить, но гораздо хуже еще гордиться грехами. Если надмение праведностью уничтожает праведность, тем более надмение грехами причинит нам крайний вред, и будет гораздо виновнее самых грехов. Поэтому (Господь) говорит: «егда сотворите вся повеленная.., глаголите, яко раби неключими есмы» ([Лук. XVII:10](#)). Если же сотворившие все должны уничижать себя, тем более грешнику прилично и плакать, и считать себя между последними. На это именно указывая тогда, (апостол) говорил: «и не паче плакасте» ([1 Кор. V:2](#)). Что говоришь? Другой согрешил, а я буду плакать? Да, говорит, потому что все мы связаны между собою на подобие тела и членов, а в теле мы видим, что, если и нога получит рану, то склоняется голова. Что, кажется, почетнее головы? Но она не смотрит на (свое) достоинство во время несчастья; так и ты поступи. Поэтому и Павел увещевает: «радоватися с радующимися, и плакати с плачущими» ([Рим. XII:15](#)). Поэтому и коринфянам он говорит: «и не паче плакасте, да измется от среды вас содеявый дело сие» ([1 Кор. V:2](#)). Не сказал: «и вы не постарались», — но что? «Не паче плакасте», как будто всеобщая болезнь и зараза постигла город. Как бы так говорит он: потребны молитва и исповедь, и усердные моления, чтобы эта болезнь изгнана была из всего города. Видишь, какой навел на них страх? Они думали, что зло остановилось только на согрешившем, и потому апостол возбуждает в них беспокойство, говоря: «не весте ли, яко мал квас все смешение квасит» ([1 Кор. V:6](#))? А это значит вот что: зло, распространяясь мало по малу, касается и прочих членов; поэтому тебе нужно озаботиться, как подобает пекущемуся об общем бедствии. Не говори мне, что он согрешил один; посмотри на то, что этот грех есть некоторого рода яд, и (от одного члена) распространяется по всему остальному телу. И как во время пожара, и те, которые еще не пострадали от него, суетятся не менее подвергшихся уже этому несчастью, и употребляют все усилия, чтобы огонь, распространяясь, не дошел и до их дверей; так и Павел возбуждает коринфян, говоря: пожар занялся; предупредим несчастье; погасим пожар, прежде чем он объял церковь. Если же ты не обращаешь внимания на грех, потому что он совершился в теле другого, то и в этом случае поступаешь весьма худо: ведь согрешивший есть член всего тела (церкви).

3. Но смотри еще на то, что, если ты поленишься и не обратишь внимания (на чужой грех), он когда-нибудь овладеет и тобою. Посему, если не ради брата, то, по крайней мере, ради

самого себя воспрями и останови заразу, не дай распространяться яду и прекрати губительный недуг. Итак, сказав это и больше этого, и повелев предать грешника сатане, Павел после того, как (грешник) переменялся и сделался лучше, говорит: «довольно таковому запрещение сие, еже от многих. Тем же... утвердите к нему любовь» ([2 Кор. II:6, 8](#)). Так как он всем представил его, как общего врага и неприятеля, отлучил от стада, и отсекал от тела, то смотри, сколько употребляет теперь старания, чтобы снова сблизить и присоединить его. Не просто сказал: полюбите его, но — «утвердите к нему любовь», то есть, покажите любовь твердую и неизменную, жаркую, горячую и пламенную; покажите благосклонность, равносильную прежней вражде. Что случилось, скажи мне? Не сатане ли ты предал его? Да, говорит; только не для того, чтобы он оставался в руках сатаны, но чтобы скорее избавился из-под власти его. Смотри же, сколько Павел, как я сказал, боялся отчаяния, как сильного оружия дьявола. Сказавши: «утвердите к нему любовь», присовокупляет и причину: «да не како мною скорбию пожерт будет таковой» ([2 Кор. II:7](#)). Овца, говорит, в пасти волка: поспешим же, исхитим ее, пока (волк) не поглотил и не погубил нашего члена. Корабль обуреваем волнами: постараемся спасти его, пока не потонул. Как ладья тонет, когда море воздымается и волны восстают со всех сторон, так и душа, когда отовсюду обнимает ее печаль, скоро гибнет, если никто не подаст ей помощи; и спасительная печаль о грехах от неумеренности становится губительною. И смотри, какая точность в словах. Не сказал: «да не погубит его дьявол», но что? «Да не обидими будем от сатаны» ([2 Кор. II:11](#)); а здесь слово обида (pleonexia) значит похищение чужого. Итак, показав, что согрешивший чрез покаяние сделался уже чужим для дьявола и своим в стаде Христовом, Павел говорит: «да не обидими будем от сатаны», потому что если сатана и после этого будет удерживать его, то он похищает уже наш член, берет овцу из нашего стада, так как тот уже сложил с себя грех чрез покаяние.

Так Павел, зная, что сделал дьявол с Иудою, боялся; чтобы и здесь не случилось то же самое. Что же сделал (дьявол) с Иудою? Иуда раскаялся: «согреших, — говорит, — предав кровь неповинную» ([Мф. XXVII:4](#)). Услышал эти слова дьявол; понял, что Иуда вступает на путь к лучшему и идет к спасению — и утратился такой перемены. Человеколюбив, говорит, у него Господь: когда хотел (Иуда) предать Его, Он плакал о нем и многократно вразумлял его: не гораздо ли более примет его кающегося? Когда он был неисправим, и тогда влек и звал его к Себе: не гораздо ли более привлечет к Себе исправившегося и познавшего свой грех? Для этого-то Он пришел и на распятие. Что же (дьявол) сделал? Смутил Иуду, омрачил чрезмерностью печали, гнал, преследовал, пока не довел до петли, пока не вывел из настоящей жизни и не лишил намерения покаяться. А что спасся бы и Иуда, если бы остался жив, это видно из примера распинателей. Если (Господь) спас вознесших Его на крест, и на самом кресте умолял Отца и просил им прощения в грехе, то явно, что Он со всем благоволением принял бы и предателя, если бы этот принес надлежащее покаяние; но он не в состоянии был воспользоваться сим врачевством, быв поглощен чрезмерною скорбью. Этого-то именно опасаясь, Павел понуждает коринфян исхитить того человека из челюстей дьявола. И зачем говорить о том, что было у коринфян? Петр трижды отрекся после участия в таинствах, но слезами загладил все. Павел был гонитель, богохульник и обидчик, гнал не только Распятого, а также и всех последователей Его; но — раскаялся, и стал апостолом. Бог требует от нас только малого повода, и дарует нам отпущение многих грехов. Скажу вам и притчу, которая служит подтверждением этого.

4. Были два брата; они разделили между собою отеческое имение, и один из них остался дома, а другой прожил все, что было ему дано, и ушел в чужую сторону, не в состоянии будучи переносить стыда от бедности. Эту притчу нашел я нужным сказать для того, чтобы вы знали, что отпускаются и грехи, сделанные после крещения, — если мы будем внимательны. А это

говорю не для того, чтобы вовлечь вас в беспечность, но чтобы отвлечь от отчаяния, потому что отчаяние причиняет нам больше зла, нежели беспечность. Итак, этот (блудный) сын представляет собою образ падших после крещения; а что он означает падших после крещения, видно вот откуда: он называется сыном, а сыном никто не может назваться без крещения. Он и жил в доме отеческом, и получил долю во всех отеческом имуществе, а прежде крещения нельзя воспользоваться отеческим достоянием, ни получить наследство. Таким образом все это указывает нам на общество верных. Притом, (блудный сын) был братом жившего честно, а братом не мог быть без духовного возрождения. Итак, этот (блудный сын), дойдя до крайней степени порока, что говорит? Возвращусь опять «ко отцу моему» ([Лук. XV:18](#)). Отец для того и отпустил его и не помешал ему уйти на чужую сторону, чтобы он опытом узнал, сколько получал благодеяний, живя дома. И Бог часто, когда не убедит словами, дает урок самыми делами, — об этом Он говорил к иудеям. Так Он, когда, потратив чрез пророков множество слов, не убедил и не склонил (их), то, определив дать им урок наказанием, говорит к ним: «накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя» ([Иер. II:19](#)). Следовало бы верить Ему и прежде самого события, но как они были столько бесчувственны, что не верили Его увещаниям и советам, коими Он предотвращает их от порока, то Он уже попускает самым событиям вразумить их, дабы хотя таким образом снова привлечь их к себе. Когда же блудный сын, ушедши на чужую сторону и дознавши опытом, как губительно удаление из дома отеческого, возвратился, — отец не позлопамятствовал, но принял его с распростертыми руками. Отчего же так? Оттого, что он был отец, а не судья. И вот уже ликования и пиршества, и праздники, и светел и радостен стал весь дом! Что говоришь? Это ли плата за порок? Не за порок, человек, но за возвращение (в дом); не за грех, но за покаяние; не за худые дела, но за исправление. И что еще больше, — когда старший сын огорчился этим, отец и его ласково успокоил, говоря: «ты всегда со мною еси., а сей... изгibl бе, и обретеса, мертв бе, и оживе» ([Лук. XV:31—32](#)). Когда, говорит, нужно спасти погибшего, то тут время не суда и строгого исследования, но только человеколюбия и прощения. Ни один врач, вместо того, чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и наказанию за беспорядочную жизнь. Если же блудному сыну надлежало непременно понести и наказание, то достаточным наказанием для него была жизнь на чужой стороне. Ведь столько времени он провел вдали от нашего сообщества, боролся и с голодом, и с унижением, и с крайними бедствиями. Поэтому говорит: «изгibl бе, и обретеса, мертв бе, и оживе». Не смотри, говорит, на настоящее, но подумай о великости прежнего несчастья; пред тобою брат, не чужой. Он возвратился к отцу, который не может помнить прежнего, а охотнее помнит только то, что может побудить к состраданию, милосердию, любви и снисходительности, свойственной родителям. Поэтому и сказал (отец) не о том, что сделал (блудный сын), но о том, что он потерпел; напомнил не о том, что он истратил имущество, но о том, что перенес множество несчастий. С такою же, или еще с большею, ревностью искал он овцу. Здесь сын сам возвратился, а там сам пастырь пошел и, найдя овцу, привел ее и радовался о ней больше, чем о всех, возвратившихся благополучно. Смотри еще, как и возвратил: не бичом погонял, но, возложив на плеча, принес и снова соединил с стадом. Итак, зная, что (Бог) не только не отвращается от обращающихся, но и принимает их не хуже добродетельных; что не только не подвергает наказанию, но и Сам идет отыскивать заблудших и, найдя их, радуется (о них) более, чем о тех, которые были в безопасности, — не будем ни отчаиваться о грехах, ни излишне надеяться на добрые дела, но, и живя добродетельно, будем бояться, чтобы от излишней надежды не пасть, а когда согрешим, станем каяться. Что сказал я вначале, то говорю и теперь, а именно, что и излишняя надежда стоящего, и отчаяние лежащего, то и другое губельны для нашего спасения. Потому Павел, остерегая стоящих, говорил: «мняйся стояти да блюдется, да не падет» ([1 Кор. X:12](#)), и опять: «боюся, да не како, иным проповедуя, сам

неключим буду» ([1 Кор. 9:27](#)); а восстанавливая лежащих и побуждая к большей ревности, писал к коринфянам так: «да не» како «восплачуся многих прежде согреших, и не покающихся» ([2 Кор. XII:21](#)), показывая этим, что слез достойны не столько согрешающие, сколько нераскаивающиеся во грехах. Да и пророк к ним (грешникам) говорит: «еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратится» ([Иер. VIII:4](#))? И Давид их же убеждает, говоря: «днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших, яко в прогневании» ([Пс. 94:7—8](#)). Итак, доколе говорится это «днесь», не будем отчаиваться, но имея благие надежды на Господа, и помышляя о бездне Его человеколюбия, изгнав из совести все злое, с великим усердием и надеждою возьмемся за добродетель и покажем самое глубокое покаяние, дабы, здесь сложив все грехи, с дерзновением могли мы стать пред судилищем Христовым и получить царство небесное, которого да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О покаянии и о печали царя Ахаава, а также и о пророке Ионе

1. Видели вы в прошедший воскресный день брань и победу — брань дьявола, а победу Христа? Видели, как покаяние было похваляемо, и дьявол не снес поражения, но убоился и вострепетал? Отчего ты боишься, дьявол, когда покаяние похваляется? Отчего скорбишь? Отчего трепещешь? Да, говорит, не напрасно я скорблю и сокрушаюсь: дорогие мои сосуды похитило это покаяние. Какие же сосуды? Блудницу, мытаря, разбойника, хулителя. И подлинно, много сосудов похитило у него покаяние, разрушило и самую его твердыню, нанесло ему смертельный удар. Это можешь ты узнать, возлюбленный, из того, что недавно показал опыт. Но отчего же мы не любим собираться сюда, и не приходим каждый день в церковь для покаяния? Ты грешник? Приди в церковь, чтобы исповедать грехи твои. Ты праведник? Приди, чтобы не потерять праведности: церковь есть пристань для того и другого.

Ты грешник? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяние. Ты согрешил? Скажи Богу: я согрешил. Какой тут труд? Какое обременение? Какая скорбь? Какая тягость — сказать слово: я согрешил? Если сам ты не назовешь себя грешником, то разве не будешь обвинен дьяволом? Предупреди же и лиши его этой чести; а его честь состоит в том, чтобы обвинять. Почему же не предупреждаешь его, и не исповедуешь греха, и не изглаждаешь преступления, когда знаешь, что есть против тебя такой обвинитель, который не может умолчать? Ты согрешил? Приди в церковь, скажи Богу: я согрешил. Ничего другого я от тебя не требую, кроме одного этого. Божественное Писание говорит: «глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» ([Иса. XLIII:26](#)): скажи грех, чтобы разрешить грех. Для этого не нужны ни труд, ни многословие, ни денежная издержка, ни что другое подобное: произнеси слово, откройся в грехе, и скажи: я согрешил. Но откуда известно, скажет кто-нибудь, что, если я первый скажу грех, то разрешу грех? В Писании есть пример и такого человека, который исповедал грех — и загладил его, и такого, который не исповедал — и был осужден. Каин умертвил брата своего Авеля из зависти, — убийство было следствием зависти; он убил его, взяв его с собою в поле. И что же говорит ему Бог? «Где... Авель брат твой» ([Быт. IV:9](#))? Тот, кто знает все, спрашивает не по неведению, но чтобы привлечь убийцу к покаянию. А что Он спрашивал не по неведению, это доказал сам вопросом: «Где... Авель брат твой?» Каин же отвечал: «не вем; еда страж брату моему есмь аз» ([Быт. IV:9](#))? Пусть так, ты не страж: для чего же убийца? Ты не оберегал: для чего же умертвил? Но ты признаешься в том¹? Ты должен бы и беречь его. Что же Бог к нему? «Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли» ([Быт. IV:10](#)). Тотчас обличил его и наложил на него наказание, не столько за убийство, сколько за бесстыдство, потому что Бог ненавидит не столько согрешающего, сколько бесстыдного. И когда Каин раскаивался, (Бог) не принял его, без сомнения, потому, что он не первый исповедал свой грех. Что говорит (Каин)? «Вящшая вина моя, еже оставится ми» ([Быт. IV:13](#)); как бы так сказал: тяжело я согрешил, недостойн и наслаждаться жизнью. Что же к нему Бог? «Стеня и трясыйся будеши на земли» ([Быт. IV:12](#)); таким образом определил ему страшное и тяжкое наказание. Не лишаю, говорит, тебя жизни, дабы истина не была предана забвению, но делаю из тебя закон, который бы могли все читать, чтобы твое бедствие стало матерью любомудрия. И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, — безмолвный, и однако ж издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, говорил он, того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю. Он подвергся наказанию за бесстыдство; осужден за грех, потому что не сам исповедал его, но был обличен в нем. А если бы он сам первый сказал свой грех, то загладил бы его.

2. Но чтобы убедиться тебе, что это действительно так, посмотри, как некто другой, первый исповедав грех, загладил его. Обратимся к Давиду, пророку и царю. Впрочем я охотнее называю

его по пророчеству, так как царство его простиралось на Палестину, а пророчество — до пределов вселенной; царство разрушилось в короткое время, а пророчество приносит вечные глаголы. Лучше пусть солнце померкнет, чем слова Давида предадутся забвению. Он впал в прелюбодеяние и убийство. Он увидел, — говорит Писание ([2 Цар. XI:2](#)), — мощную красивую женщину, и возгорел к ней любовью; потом свои помыслы привел в исполнение. И вот пророк в прелюбодеянии, драгоценный перл — в грязи. Но он еще не сознавал, что согрешил, так был усыплен страстью! Когда правящий колесницею не трезв, то и колесница несется беспорядочно; а колесница и правящий ею то же, что наше тело и душа. Если душа омрачена, то и тело погрязает в нечистоте. Доколе правящий колесницею стоит твердо, дотоле и колесница бежит хорошо; но когда он теряет силы и не может править вожжами, тогда и самая колесница является в самом худом положении. Так бывает и с человеком. Доколе душа трезва и бодра, дотоле и само тело пребывает в чистоте; а когда душа омрачена, тогда и само тело погрязает в нечистоте и сладострастии. Что же Давид? Совершил прелюбодеяние, но не сознавал этого, и ни от кого не был обличаем. Притом, (совершил это) в глубокой старости, дабы знал ты, что, если будешь беспечен, то и старость не принесет тебе пользы, и наоборот, если будешь рачителен, то и юность не может повредить тебе. Не от возраста добрые нравы, но от душевного расположения добрые дела. Вот Даниил был только двенадцати лет — и судил; а старцы были преклонных лет — и замыслили прелюбодеяние ([Дан. XIII:45—62](#)); и как последним не принесла пользы старость, так первому не повредила юность. И чтобы ты узнал, что дела целомудрия зависят не от возраста, но от душевного расположения, вот Давид, уже в старости, впал в прелюбодеяние, совершил убийство и был в таком состоянии, что и сам не знал, что он согрешил, так как управитель — ум был упоен невоздержанием. Что же Бог? Посылает к нему Нафана пророка. Пророк приходит к пророку. Так бывает и с врачами: когда врач делается болен, тогда нуждается он в другом враче. То же самое и здесь. Пророк согрешил, пророк же принес и врачество. Итак, приходит к нему Нафан, и не сейчас, как переступил порог, обличает его, не говорит: беззаконник, непотребный, прелюбодей и убийца! Столько почестей получил ты от Бога — к попрал заповеди Его! Ничего такого не сказал Нафан, дабы не сделать его бесстыдным, потому что оглашение грехов вызывает согрешившего на бесстыдство. Итак, Нафан приходит к Давиду и сплетает рассказ о тяжёлом деле. Что же говорит? Царь, у меня есть к тебе жалоба. Был человек богатый, и был другой бедный. У богатого были стада и много волов; а бедный имел только одну агницу, которая пила из его чаши, ела от стола его и спала на груди у него. Здесь (пророк) указывает на любовь мужа к жене. Но пришел к богатому один гость, и он пожалел своего, и взял овцу бедного и заколол ее ([2 Цар. XII:1—4](#)). Видишь, как Нафан здесь сплетает рассказ, скрывая нож под губкою? Что же царь? Думая, что осуждает другого, он тотчас же произнес приговор. Таковы люди! Против других они охотно и быстро составляют и произносят приговоры. И что же говорит Давид? «Жив Господь!» достоин смерти таковой «и агницу возвратит четверицею» ([2 Цар. 12:5—6](#)). А что Нафан? Он не стал долго смягчать рану, но тотчас открывает ее, и весьма быстро разрезывает, чтобы не уменьшить чувства боли. «Это ты, царь». Что же говорит царь? «Согреших ко Господу» ([2 Цар. 12:13](#)). Не сказал: кто ты такой, что обличаешь меня? Кто послал тебя так смело говорить? Как ты дерзнул сделать это? Ничего такого не сказал, но сознал грех и сказал: «согреших ко Господу». Что же Нафан к нему? «И Господь отя согрешение твое» ([2 Цар. 12:13](#)). Ты сам осудил себя, я освобождаю тебя от осуждения; ты принес искреннее признание — и загладил грех; ты сам подверг себя осуждению, я уничтожил приговор. Видишь, как исполнилось слово Писания: «глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися?» Какой это труд — сказать первому свой грех?

3. Но есть и другой путь покаяния. Какой же это? Оплакивание греха. Ты согрешил? Плачь,

и изгладишь грех. Какой это труд? Ничего больше не требую от тебя, кроме плача о грехе. Не приказываю тебе ни рассекать моря, ни входить в пристани, ни путешествовать, ни отправляться в дальний путь, ни тратить деньги, ни вверять себя бурным волнам, — но что? Поплачь о грехе. Но откуда, скажешь, известно, что, если буду плакать, то уничтожу грех? Есть для тебя и на это доказательство в божественном Писании. Был некто Ахаав царь. Сам он, говорится, был справедлив; но из-за Иезавели, жены своей, царствовал худо. Он пожелал иметь виноградник одного израильтянина, Навуфея, и послал к нему сказать: отдай мне твой виноградник, который мне захотелось иметь, и возьми от меня или деньги, или другое место. Тот отвечал: не дай Бог, чтобы я продал тебе наследие отцов моих. Ахаав, хоть и желал иметь виноградник (Навуфея), однако ж не хотел взять его силою, так что от этого впал в болезнь. Но вот приходит к нему Иезавель, женщина бесстыдная и бессовестная, распутная и непотребная, и говорит: что ты печалишься и не ешь? Встань и ешь; я сделаю, что ты получишь виноградник Навуфея израильтянина. И вот пишет от лица царя к старейшинам письмо такого содержания: объявите пост, и поставьте лжесвидетелей против Навуфея, (которые бы показали), что он (не) благословил Бога и царя, то есть, произнес хулу на них. О, пост, исполненный крайнего нечестия! Объявили пост, чтобы совершить убийство! Что же последовало? Навуфей побит был камнями и умер. А Иезавель, узнавши об этом, говорит Ахааву: встань, овладеем виноградником, потому что Навуфей умер. Ахаав, хоть на время и опечалился, однакож пошел и овладел виноградником. Бог посылает к нему Илию пророка: поди, говорит, скажи Ахааву: за то, что ты убил (Навуфея) и овладел (виноградником его), прольется кровь твоя, и псы будут лизать кровь твою, и блудницы мыться в крови твоей. Гнев Божеский, приговор решительный, осуждение окончательное! И смотри, куда (Бог) посылает его (Илию)? В виноградник. Где беззаконие, там и наказание ([3 Цар. XXI:2, 18](#)). Что же далее? Увидев его (Илию), Ахаав говорит: «обрел еси мя, враже мой» ([3 Цар. XXI:20](#)); это значит: ты застиг меня виновным, потому что я согрешил; теперь имеешь случай напасть на меня. «Обрел еси мя, враже мой». Так как Илия всегда обличал Ахаава, то Ахаав, зная, что согрешил, говорит: ты и всегда меня обличал, но теперь благовременно наступаешь на меня; он сознавал, что согрешил. В ответ на это (Илия) объявляет ему приговор. «Сице глаголет Господь, — говорит он, — понеже ты убил еси и приял еси в наследие» и пролил кровь мужа праведного, то прольется и твоя кровь, «и пси... полижут ее, и блудницы измыются в крови твоей» ([3 Цар. XXI:19](#)). Услышав сие, Ахаав опечалился и плакал о грехе своем; он сознал беззаконие, и Бог отменил приговор, произнесенный на него. Впрочем Бог наперед оправдал Себя пред Илиею, чтобы он не оказался лжецом и чтобы не случилось с ним того же, что случилось с Ионою. А вот что случилось с Ионою. Бог говорит ему: поди, возвести в городе Ниневии, где живет сто двадцать тысяч человек, исключая жен и детей: «еще три дни, и Ниневия превратится» ([Ион. III:4](#)). Зная человеколюбие Божие, Иона не захотел пойти; но что делает? Предаётся бегству. Вот, говорит, я пойду проповедовать, а Ты, по Своему человеколюбию, отменишь Свой приговор, и убьют меня, как лжепророка. Однако ж море, приняв его, не скрыло, но возвратило земле и спасло для Ниневии, точно так как добрая служанка сохраняет свою сослужанку. «Сниде ...Иона, — говорит Писание, — еже бежати ...и обрете корабль идуц в Фарсис, и даде наем свой и вниде в он» ([Ион. I:3](#)). Куда бежишь, Иона? В иную землю уходишь? Но «Господня земля, и исполнение ея» ([Псал. XXIII:1](#)). Или в море? Но разве не знаешь, что «Того есть море, и Той основа ея» ([Псал. XCIV:5](#))? Или на небо? Но разве не слышал ты, что говорит Давид: «узрю небеса, дела перст Твоих» ([Псал. VIII:4](#))? Но, не смотря на это, он, объятый страхом, якобы убежал, потому что на самом деле невозможно убежать от Бога. Когда же море выбросило его, он пришел в Ниневию, и проповедовал так: «еще три дни, и Ниневия превратится» ([Ион. III:4](#)). А что действительно он предался бегству, имея в мыслях то, что Бог по человеколюбию раскается о

зле, которое определил ниневитянам, и что он явится лжепророком, это доказывает сам он. Проповедав в Ниневии, он вышел из города и наблюдал, что будет. Когда же увидел, что три дня прошли и нигде не случилось ничего, чем угрожал он, — возвращается к прежней своей мысли и говорит: «не сия ли убо словеса моя, яже глаголах, ...яко милостив Господь долготерпелив., и кайся о злобах человеческих» ([Ион. IV:2](#))? Итак, чтобы не случилось того же с Илиею, что и с Ионою, Бог объявляет ему причину, по которой Он простил Ахаава. Что же говорит Бог Илии? «Видел ли», как ходил Ахаав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сделаю (поэтому) по нечестию его ([3 Цар. XXI:29](#)). Чудное дело! Господь становится защитником раба, и Бог пред человеком ходатайствует за человека. Не думай, говорит, будто Я без причины простил его; он переменял свой нрав, и Я отменил и укротил гнев Мой. Но и ты не будешь сочтен за лжепророка; и ты сказал правду. Если бы он не изменил своего нрава, то потерпел бы, что назначено по приговору; но он переменял нрав, и Я укротил Свой гнев. И говорит Бог Илии: «видел ли», как ходил Ахаав в скорби и печали? Не сотворю по гневу Моему. Видишь ли, что плач заглаживает грехи?

4. Есть у тебя и третий путь покаяния. Я представляю тебе многие пути покаяния, чтобы чрез разнообразие путей сделать для тебя удобнее спасение. Какой же это третий путь? Смиренномудрие. Будь смиренномудр, и разрешишь узы греховные. И на это есть доказательство в Божественном Писании, — в повествовании о мытаре и фарисее. Пришли, — говорит Писание, — ([Лук. XVIII:10](#)), фарисей и мытарь в церковь помолиться, и начал фарисей вычислять свои добродетели. Я, говорит, не такой грешник, как все люди, или как этот мытарь. Бедная и несчастная душа! Ты осудила всю вселенную: для чего же еще оскорбила и ближнего твоего? Мало было бы тебе вселенной, если бы ты не осудила и мытаря? Поэтому ты обвинила всех, и не пощадила даже и одного человека. «Я не таков, как все люди, или как этот мытарь: дважды в неделю пощусь, даю бедным десятую часть моего имущества». Надменные слова произнес (фарисей)! Несчастный человек! Пусть ты осудил всю вселенную: для чего же уязвил и стоящего близ тебя мытаря? Ты не удовольствовался бы осуждением вселенной, если б не осудил и стоящего с тобою (мытаря)? Что же мытарь? Услышав это, он не сказал: ты кто таков, что говоришь это обо мне? Откуда знаешь жизнь мою? Ты не имел сношений, не жил со мною, не проводил много времени. Почему столько превозносишься? Кто свидетель твоих добрых дел? Зачем хвалишь сам себя? Зачем льстишь сам себе? Ничего такого не сказал мытарь, но, преклонившись, помолился и говорил: «Боже, милостив буди мне грешнику» ([Лук. XVIII:13](#))! Чрез такое смиренномудрие мытарь сделался праведным. Фарисей вышел из храма, потеряв праведность, а мытарь вышел, стяжав праведность, — и слова победили дела. Один делами погубил праведность, а другой словом смиренномудрия стяжал праведность. Впрочем, это и не было смиренномудрие. Смиренномудрие состоит в том, когда кто, будучи великим, уничижает себя; но признание мытаря было не смиренномудрие, а сущая правда: слова его были справедливы, потому что он был грешник.

5. В самом деле, скажи мне, что хуже мытаря? Он пользуется чужими несчастиями, участвует в плодах чужих трудов; о трудах не помышляет, а в прибыли берет себе долю. Так, грех мытаря — самый тяжкий. Мытарь есть не что иное, как обезопасенное насилие, узаконенный грех, благовидное хищничество. Что хуже мытаря, который сидит при пути и собирает плоды чужих трудов, — который, когда надобно трудиться, нисколько об этом не заботится, а когда предстоит выгода, берет часть из того, над чем не трудился? Если же мытарь, будучи грешником, получил столь великий дар за смиренномудрие, то не гораздо ли более (получит) человек добродетельный и смиренный? Итак, если ты исповедуешь грехи твои и покажешь смиренномудрие, то будешь оправдан. Но хочешь ли узнать, кто истинно смиренномудр? Посмотри на Павла, подлинно смиренномудрого, — на Павла, учителя

вселенной, духовного витию, сосуд избранный, пристань необуреваемую, столп неколебимый, — (на Павла), который в малом теле обошел вселенную и как бы на крыльях обтек ее. Посмотри, как он смиренно любомудрствует, он — простолюдин и мудрец, бедняк и богач. Его-то называю истинно смиренномудрым, — его, который понес бесчисленные труды, одержал над дьяволом бесчисленные победы, проповедует и говорит: «благодать Его, ...не тща во мне бысть, но паче всех... потрудихся» ([1 Кор. XV:10](#)). Он, потерпевший темничное заключение, удары и бичевания, уловивший посланиями вселенную, призванный небесным голосом, он-то смиренномудрствует, когда говорит: «аз бо есмь мний апостолов, иже несмь достоин нарещися апостол» ([1 Кор. XV:9](#)). Видишь великость смиренномудрия? Видишь, как Павел смиренномудрствует, называя себя меньшим (из апостолов)? «Аз бо есмь, — говорит, — мний апостол, иже несмь достоин нарещися апостол». В том-то и состоит истинное смиренномудрие, чтобы смиряться во всем и называть себя меньшим. Подумай, кто был сказавший эти слова? Павел, гражданин небесный, хотя еще облеченный немощным телом, столп церкви, земный ангел, человек небесный. Люблю останавливаться на этом муже и созерцать красоту его добродетели. Не столько радуется мои очи взошедшее и испускающее светлые лучи солнце, сколько освещает мою душу Павел. Солнце озаряет глаза, а Павел как бы на крыльях возносит нас к самым сводам небес, и возводит душу выше солнца и луны. Такова сила добродетели: человека она делает ангелом, и душу как бы на крыльях возносит к небу. Этой добродетели учит нас Павел: постараемся соделаться ревнителями его добродетели. Но мы не должны уклоняться от своего предмета. Нашею целью было показать, что смиренномудрствовал, но говорил правду, когда обнаруживал грехи свои; что стал он праведным, хотя и не тратил денег, не переплывал морей, не предпринимал дальних путешествий, не обтекал беспредельных морей, не упрашивал друзей и не потратил много времени. Нет, одним уничижением он стяжал праведность и удостоился царствия небесного, которое да получим мы все по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О милостыне и о десяти девах

1. Знаете ли, откуда у нас началось недавно слово и где кончилось, или, с какого предмета и до какого доведена прежняя беседа? Вы, думаю, забыли, где у нас остановилось слово; а я знаю, и не виню вас в этом, не осуждаю. Каждый из вас имеет жену, печется о детях и заботится о делах домашних; одни заняты службою в войске, другие — ремесленники; словом: каждый из вас озабочен различными нуждами. А мы с этим² имеем дело, этим занимаемся, и в этом проводим свое время. Стало быть, вас нельзя порицать за это³, но должно хвалить за ревность, — за то, что вы ни в одно воскресенье не покидаете нас, но, оставляя все, приходите в церковь. Это-то и составляет величайшее украшение нашего города, — не шум его, не предместья, не позлащенные дома и столовые комнаты, но жители ревностные и бодрые. И добрую породу дерева мы узнаем не по листьям, но по плодам. Тем-то мы и отличаемся пред бессловесными животными, что имеем (дар) слова, изъясняемся словом и любим слово. Человек, не любящий слова, гораздо глупее скотов: он не знает, для чего он почтен (даром слова), и откуда получил такую честь. Хорошо сказал пророк: «человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им» ([Пс. XLVIII:13](#)). Ты — человек, одаренный словом, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь иметь извинение? Потому из всех вы для меня самые незаменимые, что, как на крыльях, слетаетесь к (слушанию) слова о добродетели и поставяете все ниже божественных речений. Так вот и мы возьмемся за предмет и продолжим беседу о том, о чем говорили недавно: я должен вам, и охотно плачу долг, потому что это приносит мне не бедность, но доставляет богатство. В делах мирских должники бегают от заимодавцев, чтобы не отдать (долга); а я гонюсь (за вами), чтобы отдать — и весьма справедливо, потому что в мирских делах отдача производит бедность, а в слове отдача рождает богатство. Например: я должен кому-нибудь деньги; если возвращу их, они не могут быть и у него, и у меня; нет, от меня они ушли, а к нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мне находится, и вы все его имеете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я беден, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я один богат; а если заплачу, то получаю плод вместе со всеми вами.

Итак, отдадим долг. Что же это за долг? Недавно рассуждали мы о покаянии и сказали, что есть многие и различные пути покаяния, чтобы легко было для нас спасение. Если бы Бог дал нам один путь покаяния, мы стали бы отговариваться так: не можем идти этим путем, не можем спастись. Но вот, чтобы отнять у тебя этот предлог, Он дал тебе не один только путь, и не два, и не три, но многие и различные, дабы чрез это множество сделать для тебя легким восхождение на небо. Сказали мы также, что покаяние не трудно, и что нет в нем никакой тяжести. Ты грешник? Войди в церковь, скажи: я согрешил — и загладишь грех. В пример представили мы и Давида, который согрешил и загладил грех. Потом предложили и другой путь, то есть, плач о грехе, и говорили: какой это труд? Не нужно ни потратить деньги, ни пройти длинный путь, ни сделать что-либо другое подобное, а надобно только поплакать о грехе. Тут привели мы из Писания то, что Бог переменял свое определение об Ахааве, потому что он заплакал и опечалился; и это сам (Бог) сказал Илии: «видел ли», как ходил Ахаав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сотворю по гневу моему ([3 Цар. XXI:29](#)). Затем указали мы и третий путь покаяния, и представили из Писания фарисея и мытаря, — то есть, что фарисей, надменно похвалившись, лишился праведности, а мытарь, показав чувство смирения, вышел с плодом праведности и, не употребив никакого труда, сделался праведным, — дал слова, а получил дела. Теперь пойдем дальше и представим четвертый путь покаяния. Какой же это путь? Это милостыня, царица добродетелей, весьма скоро возводящая людей в небесные своды, наилучшая

защитница. Великое дело — милостыня; посему и Соломон восклицал: «велика вещь человек, и драгая муж творяй милость» ([Притч. XX:6](#)). Велик полет у милостыни: она рассекает воздух, проходит луну, восходит выше лучей солнечных, достигает до самых небес. Но и там она не останавливается; напротив, проходит и небо, обтекает и сонмы ангелов, и лики архангелов, и все высшие силы, и предстает самому престолу царскому. Научись этому из самого Писания, которое говорит: «Корнилие, ...молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша ...пред Бога» ([Деян. X:3—4](#)). А слова «пред Бога» значит вот что: хотя у тебя много грехов, но, так как милостыня твоя защитница, то не бойся; ни одна из вышних сил не останавливает ее; она требует должного, имея в руках собственное рукописание. Это глас Самого Господа, что, кто сотворил «единому сих ...меньших», тот Мне сотворил ([Матф. XXV:40](#)). Таким образом, сколько бы ни было у тебя других грехов, твоя милостыня перевешивает все.

2. Разве не знаешь в Евангелии притчу о десяти девах, как не имеющие милостыни, хотя и подвизавшиеся в девстве, остались вне брачного чертога? Были, говорит (Писание), десять дев, пять глупых, и пять мудрых; у мудрых был елей, а у глупых не было елея, поэтому их светильники стали гаснуть. Пришедши к мудрым, глупые сказали: дайте нам елея из ваших сосудов ([Матф. XXV:1—8](#)). Стыжусь я, и краснею, и плачу, когда слышу о деве глупой; краснею, когда слышу, что они названы так после столь великой добродетели, после подвигов девства, после того, как они взлетели телом на небо и соревновали вышним силам, — перенесли жар и одолели пламя сладострастия. После этого они названы глупыми — и справедливо, потому что, сделав великое, побеждены были малым. И пришли, сказано, глупые, и сказали мудрым: дайте нам елея из сосудов ваших. А эти отвечали: не можем дать вам, «еда како не достанет нам и вам» ([Матф. XXV:8—9](#)). И сделали они это не по жестокости и не по злобе, но по тесным обстоятельствам времени, — потому что ожидали пришествия жениха. Были у глупых светильники, но в светильниках мудрых был елей, а у тех не было. Ведь девство есть огонь, а милостыня — елей. Потому, как огонь гаснет, когда не будет для него подливаться елей, так гаснет и девство, когда не имеет милостыни. Дайте нам елея (сказали глупые) из сосудов ваших. А мудрые в ответ им: не можем дать вам. Это сказано не по злобе, а от страха: «еда како не достанет нам и вам» — как бы нам, когда все мы стараемся войти, как бы всем не остаться (вне брачного чертога). Подите лучше и купите у продающих. Кто же продавцы этого елея? Бедные, ради милостыни сидящие пред церковью. А за сколько (продается) он? За сколько хочешь: цены не назначаю, чтобы ты не ссылался на бедность. Сколько у тебя есть, за столько и купи. Есть у тебя овол⁴? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя и овола? Подай чашу холодной воды. «Иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды» ради Меня, «не погубит мзды своя» ([Матф. X:42](#)). Предметом купли и продажи — небо, и мы не заботимся! Дай хлеб, и возьми рай; дай малое, и возьми великое; дай смертное, и возьми бессмертное; дай тленное, и возьми нетленное. Если б была ярмарка, и на ней продавались бы дешево и в большом количестве съестные припасы, и многое можно бы приобрести за малую цену: не распродали ль бы вы имущества, и, оставив все в стороне, не приняли ль бы участие в том торге? И вот, где тленное, там вы показываете столько ревности; а где идет дело о бессмертном, там вы столько нерадивы и беспечны? Дай бедному, и, — пусть сам ты будешь молчать, — тысячи уст заговорят в защиту тебя, потому что милостыня восстанет и защитит (тебя): милостыня есть выкуп души. Поэтому, как пред дверьми церковными стоят сосуды, наполненные водою, чтобы ты мыл руки, так вне церкви сидят и бедные, чтобы ты омывал руки души. Омыл ты чувственные руки водою? Омой руки души милостынею. Не ссылайся на бедность. Вдовица и в крайней бедности ввела в дом свой Илию, и бедность не была (для нее) препятствием, но с великою радостью она приняла его; потому и получила достойные плоды и собрала жатву милостыни. Но, может быть, слушатель скажет: дай

мне Илию. Что ищешь Илию? Господа Илию даю тебе, и не питаешь Его: как же ты принял бы Илию, если б нашел его? Христос, Господь всяческих, сказал: кто сотворил «единому сих ...меньших», — Мне сотворил ([Матф. XXV:40](#)). Если бы царь позвал кого-нибудь на вечерю и, когда бы предстали слуги, сказал к ним: возблагодарите его много за меня; он пропитал и принял меня в дом свой, когда я был в бедности, он оказал мне много благодеяний во время нужды, — не каждый ли бы употребил и потратил все свои деньги для того, кому царь изъявил благодарность? Не каждый ли бы постарался сблизиться и подружиться с ним?

3. Видели вы силу слова (царского)? Если же у царя — человека оно имеют такую честь, то представь себе, что Христос в тот день взывает пред ангелами и всеми силами, и говорит: этот человек на земле ввел Меня в дом свой; он оказал Мне множество благодеяний; он принял Меня — странника. Затем представь себе дерзновение (этого человека) среди ангелов, радость среди чинов небесных. О ком Христос свидетельствует, тому как не иметь дерзновения пред ангелами? Итак, братия, великое дело — милостыня. Возлюбим ее, — ей нет ничего равного; она может и загладить грехи, и избавить от суда. Ты молчишь, — а она стоит и защищает; или лучше, тогда как ты молчишь, тысячи уст благодарят за тебя. Столько-то благ от милостыни, а мы нерадим и не заботимся? Дай, по возможности, хлеба. Нет у тебя хлеба? Дай овол. Нет овола? Дай чашу холодной воды. Нет и этого? Поплачь с несчастным, и получишь награду, — награду не за вынужденное, но за свободное дело. Но вот, беседуя об этом, мы забыли о девах; возвратимся же к предмету. Дайте нам, говорят, еля из сосудов ваших. Не можем дать вам, «еда како не достанет нам и вам»; подите лучше и купите у продающих. «Идущим же им купити, прииде жених», и те, у которых были светлые лампы, «внидоша с ним.., и затворены быша двери» брачного чертога. Пришли и пять глупых, и начали стучать в двери чертога, восклицая: «отверзи нам»; а в ответ им глас жениха изнутри: отойдите от меня, «не вем вас» ([Матф. XXV:8—12](#)). Итак, после столь великих трудов, что они услышали? «Не вем вас». Это значит, как я сказал, что они напрасно и без пользы приобрели себе великое достояние девства. Подумай, они отвержены после столь великих трудов, после того, как обуздали невоздержание, после того, как имели состязание с небесными силами, после того, как посмеялись над житейскими делами, перенесли великий зной, переступили через преграды, после того, как возлетели от земли на небо, не разломили печати тела, приобрели великую красоту девства, вошли в состязание с ангелами, попрали требования плоти, забыли природу, в теле совершили свойственное бестелесным, после того, как приобрели великое и неборимое достояние девства, после всего этого они услышали: отойдите от меня, «не вем вас». Не подумай, будто я считаю мало важным достоинство девства: девство таково, что из древних никто не мог сохранить его. Потому-то и велика благодать, что страшное для пророков и для древних ныне стало весьма доступно. Что, в самом деле, было всего тяжелее и невыносимее? Девство и презрение смерти. Но их не страшатся ныне и слабые девы. В самом деле, соблюдение девства было так тяжело, что из древних никто не мог хранить его. Ной был праведен и имел свидетельство от Бога, но жил с женою. Равным образом Авраам и Исаак, сонаследники ему в обетовании, жили с женами. Целомудренный Иосиф отказался сделать великий грех прелюбодеяния, но и он жил с женою, потому что тяжело было состояние девства. Девство утвердилось с тех пор, как вырос цвет девства. Итак никто из древних не мог хранить девство, потому что великое дело — обуздать тело. Изобрази словом вид девства, и познай величие этой добродетели. У ней каждый день брань, которая никогда не может умолкнуть; эта брань хуже войны с варварами. На войне с варварами бывает время отдыха, — когда ведут переговоры; там иногда сражаются, иногда нет; там наблюдается порядок и время. А на войне, которая ведется против девства, нет отдыха, потому что воюет дьявол, который не знает определенного времени к нападению, не ожидает условного знака к сражению, но всегда стоит и старается найти деву безоружною, чтобы

нанести ей смертельную рану; и дева никогда не может отдохнуть от этой брани, но всегда носит в самой себе тревогу и воителя. И осужденные не так бедствуют, хотя и видят начальника только по временам; а дева, куда ни пойдет, везде имеет при себе судию и носит с собою врага. Этот враг не дает ей покоя ни вечером, ни ночью, ни утром, ни в полдень, но воюет непрестанно, представляя ей наслаждение, указывая на брак, чтобы исторгнуть из ней добродетель и породить в ней порок, чтобы изгнать из нее целомудрие и всеять в нее блуд: каждый час разгорается, приятно поджигаемая, печь сладострастия. Подумай, как труден этот подвиг: а они (глупые девы) после всего этого услышали: отойдите от меня, «не вем вас». Смотри, какое великое дело девство: когда оно имеет у себя сестру — милостыню, тогда никакие бедствия не одолевают его, но оно становится выше всего. Они потому не вошли (в брачный чертог), что при девстве не имели милостыни. Стыдно сказать: поборовши сладострастие, ты не презрела денег, но будучи девою, отрешившеюся от жизни, и распявши себя, любишь деньги! Если бы ты возжелала мужа, и тогда была бы вина не столь велика, потому что ты возжелала бы предмета одинакового (с тобою) по существу; но теперь вина гораздо больше, потому что ты возжелала чуждого (тебе) предмета. Вот, замужние злобно выказывают бесчеловечие, ссылаясь на детей; если скажешь им: дай мне милостыню, — у меня дети, говорят они, не могу. Бог дал тебе детей, ты получила плод чрева, для того, чтобы тебе быть человеколюбивою, а не бесчеловечною; повода к человеколюбию не обращай в предлог к бесчеловечию. Хочешь оставить доброе наследство твоим детям? Оставь милостыню, чтобы все стали хвалить тебя, и память твоя осталась славною. Но ты, не имеющая детей и распявшаяся для жизни, ты для чего собираешь деньги?

4. Но у нас живо (в уме) слово и о пути покаяния, и о милостыне. Сказали мы, что милостыня есть великое приобретение; затем перешли к морю девства. Итак, великий (путь) покаяния ты имеешь в милостыне, которая может освободить (тебя) из уз греховных; но есть для тебя и другой путь покаяния, также весьма удобный, чрез который может освободиться от грехов. Молись каждый час, не изнемогай в молитве, и неленостно умоляй человеколюбие Божие, а Бог не отвратится от постоянно молящегося, но простит тебе грехи твои и исполнит прошения твои. Если ты, молясь, будешь услышан, продолжай молиться, чтобы принести (Богу) благодарение; если же не будешь услышан, пребывай в молитве, чтобы быть тебе услышанным. И не говори: «много я молился, и не услышан», потому что и это часто бывает для твоей же пользы. Бог знает, что ты ленив и беспечен, и что, если получишь нужное, то отойдешь и больше не станешь молиться; и вот, самую нуждою заставляет тебя чаще беседовать с Богом и упражняться в молитве. Если ты, в такой нужде и имея надобность, ленишься и не продолжаешь молитвы, что было бы, если б ты ни в чем не нуждался? Стало быть, и это Он делает для твоей пользы, желая, чтобы ты не оставлял молитвы. Итак, пребывай в молитве, возлюбленный, и не ленись, потому что молитва может совершить многое; и не приступай к молитве, как к маловажному делу. А что молитва доставляет прощение грехов, это можешь узнать из божественного Евангелия. Что же оно говорит? Подобно царствие небесное человеку, который запер двери свои и лег спать с детьми своими. Между тем вечером пришел некто взять у него хлебов и стучит, говоря: отвори мне, мне нужны хлебы. А он ему: не могу дать тебе теперь, потому что легли спать и мы, и дети наши. Тот продолжал стучать в дверь, а этот опять говорит к нему: не могу тебе дать, потому что легли спать и мы, и дети. Но тот и после этого продолжал стучать, и не отходил, пока домохозяин не сказал: встаньте дайте ему, и пусть отойдет ([Лук. XI:5—8](#)) Итак, (Писание) учит тебя молиться и никогда не унывать, но и тогда, как не получишь (просимого), пребывать (в молитве), пока не получишь. Много и других путей покаяния найдешь в Писании. Покаяние, и прежде пришествия Христова, проповедовалось Иеремиею, который говорит: «еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратится» ([Иер. VIII:4](#))? И

опять: после этого, после того как она прелюбодействовала, сказал ей: «обратися ко Мне» ([Иер. 3:7](#)). Много и других⁵ различных путей покаяния (Бог) дал нам для того, чтобы отнять у нас всякий предлог к нерадению. Если б у нас был только один путь, мы бы не могли пойти по нему. От этого оружия всегда убегает дьявол. Согрешил ты? Войди в церковь, и загладь свой грех. Сколько бы ты ни падал на площади, — всякий раз встаешь: также точно сколько раз ни согрешишь, — покайся во грехе, не отчаивайся; согрешишь в другой раз, в другой раз покайся, чтобы по нерадению совсем не потерять тебе надежды на обещанные блага. Ты в глубокой старости — и согрешил? Войди (в церковь), покайся: здесь врачевница, а не судилище; здесь не истязуют, но дают прощение в грехах. Одному Богу скажи грех твой: «Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих» ([Пс. L:6](#)), — и отпустится тебе грех. Есть у тебя и иной путь покаяния, не трудный, а самый легкий. Какой же это путь? Поплачь о грехе своем. Об этом узнаешь ты из божественного Евангелия. Петр, верховный из апостолов, первый в церкви, друг Христов, получивший откровение не от человеков, но от Отца, как свидетельствует о нем Господь, говоря: «блажен еси, Симоне вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец мой... небесный» ([Матф. XVI:17](#)), — этот Петр (когда называю Петра, разумею камень несокрушимый, скалу неподвижную, великого апостола, первого из учеников, первованного, и первого последовавшего на зов), он-то сделал не какое-либо маловажное преступление, но очень великое, — отрекся от Самого Господа. Это говорю не в обвинение праведника, но чтобы дать тебе побуждение к покаянию. Так он отвергся Самого Господа вселенной, Попечителя и Спасителя всех. Но расскажем этот случай сначала. Спаситель знал, что во время Его предания некоторые отойдут (от Него), и говорит Петру: не хочешь ли и ты отойти? Но Петр отвечал: «аще ми есть и умрети с Тобою, не отвергуся Тебе» ([Матф. XXVI:35](#)). Что говоришь, Петр? Бог определил, а ты противодействуешь? Но, хотя воля (Петра) и выказала свое (желание), однакож слабость природы (его) изобличилась. Когда же это? В ночь, в которую предан был Христос. Тогда, сказано, стоял Петр у горящих дров и грелся; и вот подошла к нему одна служанка и говорит: вчера и ты был с этим человеком; а он в ответ: не знаю сего человека. Потом (отрекся) и в другой, и в третий раз — и исполнилось определение (Божие). Засим Христос взглянул на Петра, и этим взглядом подал голос; не заговорил с ним устами, чтобы не обнаружить его пред иудеями и не пристыдить своего ученика, но взглядом сказал ему: вот, Петр, сбылось то, о чем Я говорил. Тогда и Петр пришел в чувство и начал плакать, но заплакал не просто, а горько, и из слез очей сделал второе крещение. Но заплакав так горько, он загладил свой грех, и после этого ему вверены ключи небесные. Если же плач Петра загладил столь великий грех, то как тебе не загладить греха, если будешь плакать? Отречься от своего Господа — было преступление не малое, но великое и весьма важное, — и однако ж слезы загладили грех. Плачь же и ты о грехе своем, только плачь не просто и не для вида, но горько, как (плакал) Петр; изведи потоки слез из самой глубины души, чтобы Господь, умилосердившись, простил тебе прегрешение. Человеколюбив Господь; Он Сам сказал: «не хочу смерти грешника, но еже обратится», покаяться, «и живу быти ему» ([Иезек. XXXIII:11](#)). От тебя хочет небольшого труда, а Сам дает великое; от тебя ожидает повода, чтобы дать тебе сокровище спасения. Предложи слезы, а Он даст тебе прощение; принеси покаяние, а Он дарует тебе отпущение грехов. Ты представь хоть малый предлог, чтобы иметь благовидное оправдание, потому что (в деле спасения) одно зависит от Него, а другое от нас. Если мы представим, что зависит от нас, то и Он дарует, что зависит от Него. Но вот Он уже даровал, что зависело от Него, — утвердил солнце, луну и разнообразный ход звезд, разлил воздух, распростер землю, оградил море, дал горы, долины, холмы, источники, озера, реки, бесчисленные роды растений, сады и все прочее. Принеси же и ты немного, чтобы таким образом Он даровал тебе и высшие блага. Итак, не будем беззаботны о самих себе, ине отступимся от своего спасения, имея такую бездну человеколюбия Господа

всех, Который даже кается о наших грехах. Предлагается царство небесное и рай, и блага, «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» ([1 Кор. II:9](#)), — и мы не будем всячески стараться привнести что-нибудь с своей стороны, чтобы не лишиться этих благ? Разве не знаешь, что говорит Павел, который много потрудился и одержал бесчисленные победы над дьяволом, — который в теле прошел вселенную, обтек землю, и море, и воздух, и, как бы на крыльях, облетел вселенную, — который был забросан камнями, побит, потерпел побои, все перенес ради имени Божия, призван был свыше небесным голосом? Смотри, что говорит он, какое произнес слово: мы получили, говорит, благодать от Бога, но и я потрудился и сделал свое; «и благодать Его, яже во мне, не тща бысть, но паче всех их потрудихся» и сделал свое ([1 Кор. XV:10](#)). Знаем, говорит, знаем великость благодати, которую мы получили; но не праздно она нашла и меня: известны дела мои. Так и мы приучим руки к милостыне, чтобы привнести с своей стороны нечто малое; станем плакать о грехе, стенать о беззаконии, чтобы видно было, что и мы привносим хоть что-нибудь малое, между тем как то, что имеет быть даровано нам, велико и превышает наши силы. Это рай и царство небесное, которого да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

1. Пастухи водят овец постоянно туда, где видят траву гуще, и дотоле не выгоняют их оттуда, пока стадо не пощиплет всю траву. Подражая им, и мы вот уже четвертый день пасем свое стадо на пастбище покаяния, да и сегодня еще не располагаемся встать, потому что видим еще много пищи, много наслаждения и вместе пользы.

Не столько древесные ветви, служащие для овец кровом в полдень, успокаивают овец, доставляя приятную и полезную тень и располагая к весьма сладкому сну, сколько чтение божественного Писания ободряет и оживляет скорбящие и одержимые печалью души, уничтожая силу и жар скорби, и доставляя утешение, которое приятнее и слаще всякой тени. И действительно, оно доставляет нам великое утешение, не только в потере имущества, не только в утрате детей, или в другом подобном несчастье, но и в обстоятельствах греховных. Когда падет человек, уловленный и низринутый грехом, когда потом будет угрызать его совесть, и он, непрестанно памятуя о грехе, подавляется чрезмерною печалью, каждый день горит в огне, и, не смотря на множество утешителей, не получает утешения, тогда войдя в церковь и услышав, что многие из святых после падения восстали и снова вошли в прежнюю славу, — не приметно получает утешение. Притом людям мы, согрешив, часто не смеем и открыть своего греха, потому что нам стыдно и совестно; а если и откроем, то не получим такой пользы. Но когда Бог утешает и касается нашего сердца, тогда сейчас убежит всякая сатанинская печаль. Для того и описаны нам падения праведных, чтобы и добродетельные, и грешники получили от них величайшую пользу. Грешник не приходит в отчаяние и безнадежность, видя, что другой пал и однакож мог опять восстать; а добродетельный будет ревностнее и благонадежнее: когда он увидит, что многие из тех, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхом их падения, будет всегда бдителен и покажет великую внимательность к самому себе. И таким образом, один, усовершенствовавшись в добродетели, а другой, грешник, избавляясь от отчаяния, первый будет стоять твердо, а последний скоро возвратится в то состояние, из которого ниспал. Когда человек утешает нас в печали, мы по-видимому и утешаемся на несколько времени, но потом опять впадаем в прежнюю печаль. А когда Бог вразумляет примером других, согрешивших и покаявшихся, и спасшихся, тогда Он делает ясною нам Свою благодать, чтобы мы не сомневались в своем спасении, получая верное и надежное утешение. Итак, древние повествования писаний подают всем желающим достаточное для скорбящих врачевство, как в обстоятельствах греховных так и в приключаящихся опасностях. Постигнет ли нас лишение имущества, или обиды от клеветников, или узы, или побои, или другое какое-либо бедствие, — смотря на праведников, которые потерпели и испытали то же самое, мы скоро можем придти в себя. В болезнях телесных, если больной смотрит на (других) больных, он чрез это увеличивает свою болезнь, а часто получает и новую болезнь: например, некоторые, увидя больных глазами, и сами получали болезнь от одного взгляда. Но в болезнях душевных не так, а напротив: частое размышление о потерпевших одинаковые с нами бедствия облегчает для нас скорбь о наших бедствиях. Поэтому и Павел точно так утешает верных, выставляя им на вид святых, не только живых, но и умерших. Беседуя с евреями, которые готовы были преткнуться и пасть, он выставляет на вид святых мужей — Даниила, трех отроков, Илию, Елисея, говоря так: «заградиша уста львов, угасиша силу огненную, и избегоша острей меча, ...камением побиени быша, ...руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею; ...проидоша в милотех, в козях кожах, лишени, скорбяше, озлоблени: их же не бе достоин мир» ([Евр. XI:33—38](#)).

А общение в страданиях доставляет скорбящим утешение: как терпеть одному какое-либо

бедствие есть безотрадное несчастье, так найти другого, удрученного такими же бедствиями, значит облегчить свою рану.

2. Итак, чтобы не унывать нам ни в каких тяжелых обстоятельствах, будем усердно внимать повествованиям Писаний. Отсюда мы получим великое ободрение к терпению, потому что не только будем утешены общением с потерпевшими одинаковые с нами бедствия, но и научимся, как избавиться от постигающих нас зол, как и по успокоении (от бед) оставаться ровными, — и не впадать в беспечность и не надмеваться гордостью. Ничего нет удивительного, если мы в несчастии смиряем и унижаем себя и выказываем великое благочестие, потому, что самые искушения заставляют и имеющих каменное сердце делать это, т. е. печалиться. Но (только) душе благочестивой и непрестанно имеющей Бога пред очами свойственно, и после избавления от искушений, никогда не впадать в забвение; а это часто случалось с иудеями. Потому и пророк, посмеываясь им, говорил: «егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращася, и утреневаху к Богу» ([Псал. LXXVII:34](#)). И Моисей, сознавая за ними то же самое, часто увещевал их, говоря: «и ядый», и пияй, «и насытився, вонми себе, да не забудеши Господа Бога твоего» ([Втор. VI:11—12](#)). Между тем это и случилось, потому что сказано: «и яде Иаков и ...утолсте, и разшире, ...и отвержеся возлюбленный» ([Втор. XXXII:15](#)). Итак, надобно удивляться святым не потому, что они были так благочестивы и любомудры во время сильной скорби, но потому, что, и по прошествии бури и с наступлением тишины, продолжали быть одинаково скромными и старательными. И коню особенно надобно удивляться тогда, как он может без узды идти ровно; если же он прямо идет потому, что удерживается вожжами и уздою, то в этом нет ничего удивительного: тогда эту стройность приписать должно не благородству животного, но силе узды. Это же должно сказать и о душе: не удивительно, если она ведет себя скромно, когда гнетет ее страх; нет, тогда покажи мне душевное любомудрие и всяческое благонравие, когда пройдут искушения и снимется узда страха. Но боюсь, чтобы, осуждая иудеев, мне не осудить нашего образа жизни. Когда и мы страдали от голода и заразы, от града и засухи, от пожаров и нашествия неприятелей, то не каждый ли день церковь тесна была от множества собиравшихся? Великое тогда было у нас любомудрие и пренебрежение мирскими делами; не тревожили нас ни любовь к деньгам, ни искание славы, ни страсть и стремление к распутству, и никакой другой злой помысл, но все вы предавались благочестию, с молитвою и слезами. Блудник стал тогда воздерживаться, злопамятный спешил мириться, сребролюбец склонялся к подаванию милостыни, гневливый и дерзкий обращался к смиренномудрию и кротости. Но когда Бог рассеял тот гнев, отвел бурю, и после такого волнения устроил тишину, мы опять обратились к прежним делам. Об этом я и тогда, во время самых искушений, наперед говорил и предостерегал непрестанно, однакож не имел никакого успеха, но все те (внушения) вы выбросили из ума, как сон и мимосшедшую тень. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда, и, о чем тогда говорил я, особенно боюсь теперь, чтобы нам не навлечь на себя несчастий, более тяжелых, чем прежние, и затем не получить от Бога неизлечимой раны. Когда часто согрешающий получает от Бога прощение, и между тем не располагает таким долготерпением к оставлению нечестия, то такой человек наконец доводит Бога до того, что Он и против воли насылает на него самое великое бедствие, искореняет его в конец, и уже не дает ему несколько времени для покаяния, — как это случилось и с фараоном. Когда он, испытав великое долготерпение Божие в первой, и во второй, и в третьей, и в четвертой, и в последующих казнях, несколько не воспользовался этим, то наконец был истреблен и совершенно уничтожен со всем городом. Это же потерпели и иудеи. Потому и Христос, определяя истребить их и подвергнуть конечному разорению, говорил так: «колькраты восхотех собрати чада твоя, ...и не восхотесте? се оставляется ...дом ваш пуст» ([Лук. XIII:34—35](#)). Итак, боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же, потому что мы не вразумляемся ни чужими, ни своими бедствиями. Впрочем говорю это не

вам только, теперь присутствующим здесь, но и тем, которые прервали повседневное усердие и забыли о прежних скорбях, — которым я непрестанно, с крайним усилием, говорил, что, хотя и прошли искушения, но память об них должна оставаться в душах наших, чтобы мы, постоянно памятуя о благодеянии, непрестанно благодарили Бога, даровавшего его.

3. Это и тогда говорил я, и теперь говорю вам, а чрез вас — им: будем подражать святым, которые ни скорбями не были побеждаемы, ни от покоя не расслабевали, что бывает теперь со многими из нас, как с легкими ладьями, которые от всякого напора волн заливаются водою и тонут. Часто и бедность, нашедши на нас, заливают и потопляет нас, и богатство, прибывши к нам, опять надмевает нас и повергает в крайнюю беспечность. Потому прошу, пусть каждый из нас, оставив все, настроит душу свою ко спасению. Когда она хорошо настроена, тогда, какое бы ни постигло нас бедствие, голод ли, болезнь ли, клевета ли, расхищение ли имущества, или что бы то ни было другое, — все будет удобоносимо и легко, по заповеди Господа и по надежде на Него; равно как наоборот, у кого душа не благоустроена в отношении к Богу, такой человек испытает много скорбей и забот, хотя бы и богатство текло к нему, хотя бы были у него дети, и бесчисленное множество денег. Итак, не будем ни искать богатства, ни убегать бедности, но прежде всего позаботимся каждый о своей душе и сделаем ее способною и к распоряжению настоящею жизнью, и к отшествию отсюда туда. Еще не много — и будет испытание каждого из нас, когда все мы предстанем страшному судилищу Христову, окруженные своими делами, и увидим собственными глазами, — то слезы сирот, то постыдное распутство, которым осквернили мы душу свою, то стоны вдов, то побои (нанесенные) бедным, и разграбление нищих; (увидим) не только это и подобное этому, но и все, что только сделали мы худого даже и в мыслях, так как Он (Бог) есть судия помышлений и ценитель мыслей ([Евр. IV:12](#)), и опять: «испытай сердца и утробы» ([Пс. VII:10](#)), и «воздающий коемуждо» по делу «его» ([Римл. II:6](#)).

Но это слово мое относится не только к живущим в мире, но и к тем, которые, по любви к уединенной жизни, построили себе кельи в горах, потому что они должны блюсти не только тела свои от осквернения блудом, но и душу от всякого сатанинского любостяжания. Ап. Павел рассуждает не о женах только, но и о мужах, и всей церкви, когда говорит, что девствующая душа должна быть «свята и телом и духом» ([1 Кор. VII:34](#)), и опять: представьте тела ваши «деву чисту» ([2 Кор. XI:2](#)). А как чистую? «Не имущу скверны, или порока» ([Еф. V:27](#)). И те девы, у коих угасли светильники, были девы телом, но не чисты сердцем; и хотя муж не растлил их, но растлила их любовь к деньгам. Тело у них было чисто, а душа была преисполнена блуда, потому что ими овладели злые помыслы, — сребролюбие, и жестокосердие, и гнев, и зависть, и леность и забывчивость, и гордость, и все это погубило достоинство их девства. Потому и Павел говорит: «да будет» дева «свята и телом и духом» ([1 Кор. VII:34](#)), и опять: «деву чисту представити Христови» ([2 Кор. XI:2](#)). Как тело растлевается блудом, так и душа оскверняется сатанинскими помыслами, превратными правилами, нечистыми мыслями. Кто говорит: я девственник по телу, а в душе завидует брату, тот не девственник: его девство растлила связь с завистью. Тщеславный также не девственник: его девство растлила любовь к злословию; вошла (в него) эта страсть — и нарушила его девство. А кто ненавидит своего брата, тот более человекоубийца, чем девственник; и вообще, какою кто одержим бывает злою страстью, ею и растлевает свое девство. Поэтому Павел устраняет (нас) от всех этих злых связей и повелевает нам быть девами, так чтобы добровольно не принимали мы в душу никакого противного помысла.

4. Что же нам сказать на это? Как заслужить помилование? Как спастись? Вот что скажу: будем всегда носить в сердце молитву и плоды ее, то есть, смиренномудрие и кротость. «Научитесь от мене, — говорит Господь, — яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим» ([Матф. XI:29](#)); и опять Давид: «жертва Богу дух сокрушен: сердце

сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» ([Пс. L:19](#)). Ничего так не принимает и не любит Бог, как душу кроткую, смиренномудрую и благодарную. Смотри же и ты, брат, когда что-либо неожиданно постигнет и опечалит тебя, не прибегай к людям и не полагайся на человеческую помощь, но, оставив всех (людей), востеки мыслию твоею к врачу душ. Уврачевать сердце может единственно Тот, Кто один создал сердца наши и знает все дела наши; Он может войти в совесть нашу, коснуться сердца и утешить душу. Если же Он не утешит сердец наших, то бесполезны и тщетны будут утешения человеческие; равно как и наоборот, когда Бог успокаивает и утешает, тогда, пусть люди тысячекратно станут беспокоить нас, они не в состоянии будут нисколько повредить нам, потому что, когда Он укрепит сердце, тогда никто не может поколебать его.

Итак, зная это, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, Который и хочет, и может избавить нас от несчастья. Когда надобно умолять людей, то нам необходимо наперед и поговорить с привратниками, и упросить прихлебников и льстецов, и пройти длинный путь. Но у Бога нет ничего такого; Его можно упросить без посредника; Он склоняется на молитву без денег, без издержек; довольно только возопить сердцем и принести слезы, и — лишь только войдешь, тотчас привлечешь Его к себе. Притом, умоляя человека, мы часто боимся, чтобы какой-нибудь враг, или друг (наших врагов), или противник (наш) не услышал о нашем деле, или другой кто не рассказал того, о чем мы говорим, и не извратил правды; а у Бога нельзя опасаться ничего такого. Когда ты хочешь, говорит Он, умолить Меня, приступи ко Мне один, без всякого свидетеля, то есть, воззови сердцем, не приводя в движение уст. «Вниди, — говорит, — в клеть твою, ...затвори двери твоя, и помолися Отцу твоему, иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» ([Матф. VI:6](#)). Смотри, какая высокая честь: когда ты умоляешь Меня, говорит Он, пусть никто не видит этого; а когда я оказываю тебе честь, то вселенную привожу в свидетели этого благодеяния. Убедимся же, и будем молиться не напоказ и не об отмщении нашим врагам; не будем учить Его, каким образом помочь нам. Если и людям, защищающим нас и говорящим за нас пред мирскими судьями, мы рассказываем только дела наши, а образ защиты предоставляем им, чтобы они по своему усмотрению распорядились нашими делами, тем более так поступать должно в отношении к Богу. Сказал Ему твое дело, сказал, что ты потерпел, — но отнюдь не говори при этом, как помочь тебе; Он сам хорошо знает, что полезно тебе. А есть много таких, которые, на молитве, высказывают тысячу особых прошений, и говорят: Господи, дай мне здоровье телесное, удвой мое имущество, отмсти моему врагу. Это весьма неразумно. Потому надобно, оставив все это, молить и просить только по примеру мытаря, который говорил: «Боже, милостив буди мне грешнику» ([Лук. XVIII:13](#)); а Он уже Сам знает, как помочь тебе: «ищите..., — говорит Он, — прежде царствия Божия, ...и сия вся приложатся вам» ([Матф. VI:33](#)). Так-то, возлюбленные, будем любомудрствовать (молиться), с усердием и смирением, ударяя себя в грудь, по примеру того (мытаря) — и мы получим, чего просим. Если же мы молимся в гневе и раздражительности, то мерзки мы и ненавистны пред Богом. Сокрушим же наше сердце и уничим нашу душу, и будем молиться как о самих себе, так и об оскорбивших нас. Если хочешь склонить Судию к поданию помощи твоей душе и привлечь Его на свою сторону, никогда не жалуйся Ему на того, кто опечалил тебя. Таков нрав у Судии: Он внемлет и подает просимое особенно тем, которые молятся за врагов, не помнят зла и не восстают против своих врагов. И в какой мере они делают это, в той мере и Бог отмщает их врагам, если эти не обратятся к покаянию.

5. Смотрите же, братия, когда кто-нибудь нанесет нам какое-либо бесчестие, не будем тотчас досадовать и печалиться, но станем благодарить, терпеливо перенося (обиду) и ожидая помощи от Господа. Разве Бог не мог, еще прежде прошения, подать нам блага, даровать нам жизнь беспечальную и свободную от всякой скорби? Но Он делает то и другое по любви к нам.

В самом деле, для чего Он попускает нам испытывать скорби, и не скоро избавляет от них? Для чего? Для того, чтобы мы обращались к Нему с мольбой о защите, прибегали к Нему и непрестанно призывали Его к себе на помощь. Для того и болезни тела, для того и скудость плодов, для того и голод, чтобы мы из-за этих бедствий всегда прилеплялись к Нему, и таким образом чрез временные скорби сделались наследниками вечной жизни. Стало быть, и за них мы должны благодарить Бога, Который многими способами врачует и спасает души наши. Люди, если окажут нам ничтожное благодеяние, а мы впоследствии хоть и невольно оскорбим их какою-нибудь малостью, тотчас попрекают нас своим благодеянием, так что многие проклинаят себя за то, что приняли от них какое бы то ни было благодеяние. Но Бог не так поступает; напротив, когда, и после полученных от Него благодеяний, люди пренебрегают и оскорбляют Его, — Он сам защищается и оправдывается пред оскорбившими Его, говоря так: «людие мои, что сотворих вам» ([Мих. VI:3](#))? Они не хотели именовать Его Богом, а Он не переставал их называть людьми, они отрекались от Его владычества, а Он не отвергал их, но приближал и привлекал к себе, говоря: «людие мои, что сотворих вам» ([Мих. VI:3](#))? Разве Я, говорит, был тяжел для вас, или суров, или обременителен? Этого вы не можете сказать. Но если бы и это было, и в таком случае не следовало вам бежать (от Меня): «который бо есть сын, егоже не наказует отец» ([Евр. XII:7](#))? Однакож и этого не можете сказать. И опять в другом месте: «кое обретоша отцы ваши во мне погрешение» ([Иер. II:5](#))? Важны и удивительны эти слова; они значат вот что: в чем Я погрешил? Бог говорил людям: в чем Я погрешил; между тем, как и рабы не допускают, чтобы господин их сказал это! Притом (Бог) не говорит: в чем Я согрешил против вас, — но против отцов ваших. Вы, говорит, не можете даже сказать и того, что питаете ко мне отцовскую вражду, потому что и предкам вашим Я никогда не подавал повода жаловаться на Мое промышление, как будто бы Я пренебрег их в малом или великом. И не просто сказал: какое (погрешение) «имели» отцы ваши, но «кое нашли?» Много выискивали, много выслеживали они, будучи столько лет под Моим владычеством, однакож не нашли во Мне ни одного погрешения. По всему этому будем непрестанно прибегать к Нему, и во всякой печали искать Его утешения, во всяком несчастье — Его избавления, Его милости, во всяком искушении — Его помощи. Какое бы ни было бедствие, сколь бы велико ни было несчастье, Он может все прекратить и отстранить. Впрочем благодать Его подаст нам не только это, но и всякую безопасность, и силу, и добрую славу, и телесное здоровье, и душевное любомудрие, и благие надежды, и то, что мы не будем спешны на грех. Итак, не будем роптать, как неблагодарные рабы, не будем и обвинять Господа, но за все благодарить Его и почитать несчастьем только одно, именно — грех против Него. И если мы так будем расположены к Богу, то не постигнет нас ни болезнь, ни бедность, ни бесчестие, ни скудость плодов и никакое другое кажущееся бедствие, но всегда наслаждаясь чистою и невинною радостью, мы получим и будущие блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О посте, также о пророке Ионе, Данииле, и о трех отроках сказана пред наступлением святого поста

1. Светлый сегодня у нас праздник, и торжественнее обыкновенного собрание. Какая же тому причина? Это, я знаю, дело поста еще не наступившего, но ожидаемого. Он нас собрал в отеческий дом, он сегодня привел в матерние объятия и тех, которые доселе были ленивы. Если же пост, только еще ожидаемый, внушил нам столько ревности, то сколько благочестия он произведет в нас, когда явится и наступит? Так и город, ожидая прибытия страшного начальника, отлагает совсем беспечность и выказывает великую рачительность.

Но, услышав о посте, не испугайтесь (его, как) страшного начальника: он страшен не нам, но демонам. Если кто одержим злым духом, покажи ему лицо поста, и он, оковываемый страхом и удерживаемый как бы какими цепями, станет неподвижнее самых камней, особенно когда увидит в союзе с постом сестру и подругу поста — молитву. Поэтому и Христос говорит: «сей... род не исходит, токмо молитвою и постом» ([Матф. XVII:21](#)). Если же он так прогоняет неприятелей нашего спасения и так страшен врагам нашей жизни, то надобно его любить и принимать с радостью, а не бояться. Если чего должно бояться, то бояться надобно пьянства и объедения, а не поста. Те, связав у нас сзади руки, предают нас рабами и пленниками жестокому владычеству страстей, как некоему свирепому господину; а пост, найдя нас в рабстве и в узах, разрешает от уз, избавляет от жестокого владычества и возвращает на прежнюю свободу. Так, когда пост и воюет против наших врагов, и освобождает (нас) от рабства, и возвращает на свободу, то какого еще большего надобно тебе доказательства его дружбы к нашему роду? Ведь величайшим доказательством дружбы считается то, когда (другие) и любят, и ненавидят тех же самых, кого и мы.

Хочешь узнать, какое украшение для людей пост, какая он оборона и защита? Подумай о блаженном и чудном роде монашествующих. Они, убежав от мирского шума, и востекши на вершины гор, и построив кельи в тишине пустыни, как в некоей спокойной пристани, взяли себе пост в товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато он и сделал их из людей ангелами; да и не их одних, но кто и в городах соблюдает его, — всех возводит он на самую высоту любомудрия. И Моисей, и Илия — столпы ветхозаветных пророков, хотя знамениты и велики были по другим (добродетелям), и имели великое дерзновение, однако ж, когда хотели приступить к Богу и беседовать с Ним — сколько это возможно человеку, — прибегали к посту и на его руках возносились к Богу. Поэтому и Бог, лишь только создал человека, тотчас отдал его на руки посту, ему поручил его спасение, как нежной матери и наилучшему наставнику. «От всякаго древа, еже в раи, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесете» ([Быт. II:16—17](#)) — это ведь род поста. Если же пост необходим в раю, то гораздо более вне рая; если лекарство полезно прежде раны, то гораздо более после раны; если оружие было нужно нам еще до начала войны с похотями, то гораздо более необходимо споборничество поста по открытии такой брани со стороны похотей и демонов. Если бы Адам послушал этого голоса⁶, то не услышал бы другого: «земля еси, и в землю отидеши» ([Быт. III:19](#)). Но как не послушал он того (голоса), так за это (постигли его) смерть, и заботы, и горести, и печали, и жизнь тягостнейшая всякой смерти; за это терние и волчцы; за это труды и болезни, и полная скорбей жизнь.

Видал ты, как Бог гневается, когда презирают пост? Узнай же, как Он и радуется, когда чтут пост. За пренебрежение поста Он наказал преступника смертью, напротив за уважение к посту избавлял (постящихся) от смерти. И чтобы показать тебе силу поста, (Бог) дал ему власть, после уже приговора (над преступниками), по отправлении их на казнь, брать ведомых на смерть с самой середины пути и возвращать к жизни. И это сделал пост не с двумя, или тремя,

или двадцатью человеками, но даже с целым народом. Тогда, как великий и дивный город ниневитян лежал уже на коленах, склонил голову к самой пропасти, и готов был принять направленный сверху удар, — пост, как некая свыше слетевшая сила, исторг его (город) из самых врат смерти и возвратил к жизни. Но если угодно, послушаем и самой истории. «И бысть, — сказано, — слово Господне ко Ионе, ...глаголя: востани и иди в Ниневию град великий» ([Ион. I:1—2](#)). Бог, предвидя бегство пророка, с самого начала хочет возбудить (в Ионе) жалость величием города. Но послушаем и проповеди.

2. «Еще три дни, и Ниневиа превратится» ([Ион. III:4](#)). Для чего же наперед говоришь о том зле, которое хочешь сделать? Для того, что не сделаю того, о чем говорю наперед. Для того Он угрожал и геенною, чтобы не отвести в геенну: пусть, говорит, устрашают вас слова — и не печаливают дела. А для чего он ограничивает срок столь кратким временем? Для того, чтобы ты и узнал добродетель иноплеменников, — иноплеменников, то есть ниневитян, которые в три дня могли утишить такой гнев (Божий) на их грехи, — и подивился человеколюбию Бога, Который удовольствовался трехдневным покаянием за столь великие беззакония, и сам ты не впадал бы в отчаяние, хотя бы и без числа согрешил. Как вялый душою и беспечный, хоть и получит много времени для покаяния, по лености не сделает ничего важного и не примирится с Богом, так добрый и пылающий рвением, и с великою ревностью совершающий покаяние, может и в краткое мгновение загладить грехи многих годов. Петр не трижды ли отрекся? Не с клятвою ли, в третий раз? Не оттого ли, что испугался слов какой-то ничтожной служанки? Что же? Много ли годов нужно было ему для покаяния? Нисколько; но в одну и ту же ночь он и пал и восстал, получил и рану и лекарство, и заболел и выздоровел. Как и каким образом? Тем, что он плакал и рыдал, или лучше тем, что плакал не просто, но с великою горячностью, и от сердца; потому и евангелист не сказал, что он только плакал, но — «плакася горько» ([Матф. XXVI:75](#)). А какова сила его слез, этого, говорит, никакое слово не может изобразить; только последствия ясно показывают. Преступно было то падение (Петра), потому что ни один грех не может сравняться с отречением (от Христа), — однако ж, и после столь великого греха, (Христос) снова возвел его в прежнее достоинство и поручил ему управление вселенскою церковью, и — что всего важнее — представил его имеющим больше любви к Господу, нежели все апостолы, потому что сказал: Петр, «любиши ли Мя паче сих?» ([Иоан. XXI:15](#)) А с такою любовью ничто не может сравняться в качестве добродетели. Так, чтобы ты не сказал, что Бог по справедливости простил ниневитян, как иноплеменников и несмысленных, — сказано ведь: «раб неведевый волю господина своего, и не ...сотворив, ...биен будет мало» ([Лук. XII:47—48](#)), — чтобы ты, говорю, не сказал этого, для этого Он и представил тебе Петра, — раба вполне знавшего волю Господа. И хотя он сделал самый тяжкий грех, однако ж смотри, на какую взошел высоту дерзновения.

Так и ты не отчаивайся из-за грехов: в грехе всего преступнее то, когда остаются в грехе, и в падении всего хуже то, когда лежат по падении. Об этом и Павел плачет и рыдает; это называет он достойным слез: (боюсь) да не како, говорит, когда приду к вам, «смирят» меня «Бог ...и восплачуся многих», не просто, «согреших», но «не покаявшихся о нечистоте и блужении и студоложствии, яже содеяша» ([2 Кор. XII:21](#)). А для покаяния какое время может быть удобнее времени поста?

3. Но возвратимся к истории. Услышав эти слова⁷, пророк «сниде во Иоппию, еже бежати в Фарсис от лица Господня» ([Ион. I:3](#)). Куда бежишь, человек? Разве ты не слышал, что говорит пророк: «камо пойду от Духа Твоего? и от лица Твоего камо бежу» ([Псал. CXXXVIII:7](#))? На землю? Но «Господня земля, и исполнение ея» ([Пс. XXIII:1](#)). В ад? «Аще сниду, — сказано, — «во ад, тамо еси» ([Пс. CXXXVIII:8](#)). На небо? Но «аще възду на небо, Ты тамо еси» ([Пс. CXXXVIII:8](#)). Или в море? Но «и тамо, — сказано, — удержит мя десница Твоя» ([Пс.](#)

[СХХХVIII:10](#)), что и с ним (Ионою) случилось. Но таков грех: он доводит душу нашу до великого неразумия. Как люди с отяжелевшею от опьянения головою бродят без цели и без разбора, и случится ли пред ними яма, или стремнина, или что другое, они падают туда от неосмотрительности, — так и стремящиеся ко греху, как бы опьянев, от желания совершить грех, не знают, что делают, не видят ничего — ни настоящего, ни будущего.

От Господа бежишь, скажи мне? Так подожди немного, и на самом деле узнаешь, что ты не можешь убежать и из рук подвластного Ему моря. Действительно, едва (Иона) взошел на корабль, как оно воздвигло волны и поднялось высоко. Как верная служанка, нашедши беглого сораба, похитившего что-либо из господского имущества, дотоле не перестает всячески беспокоить принявших его, пока не возьмет его с собою, — так точно и море, нашедши и узнав своего сораба, всячески беспокоит корабельщиков, мятется, воеет, и хоть не влечет в суд, но угрожает потоплением кораблю вместе с людьми, если не отдадут ему сораба. Что же корабельщики при этом? «Сотвориша, — сказано, — изметание сосудов, иже в корабли» ([Ион. I:5](#)). Но корабль не облегчался, так как вся тяжесть оставалась еще на нем, т. е. тело пророка, — бремя тяжкое не по существу тела, но по тяжести греха, потому что нет ничего столького тяжкого и неудобноносимого, как грех и непокорность. Поэтому и Захария изобразил его под видом слова, а Давид, описывая существо его, сказал: «беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне» ([Псал. XXXVII:5](#)). И Христос к тем, которые жили во многих грехах, взывал: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» ([Матф. XI:28](#)). Так грех и тогда отягощал корабль и готов был погрузить его в воду; а Иона спал и храпел. Тяжелый это был сон, — не сон удовольствия, но скорби, — не беспечности, но печали, потому что добрые слуги скоро сознают свои грехи, что случилось и с Ионою. Совершив грех, он тогда же познал и тяжесть греха. Таково свойство греха, что он после того, как родится, пробуждает болезни в породившей его душе; не так, как бывает при нашем рождении. Мы, лишь только родимся, прекращаем болезни рождения, а он, коль скоро родится, терзает болезнями породившие его помыслы. Что же кормчий? «Прииде, — сказано, — к нему» (Ионе), «и рече: ...востани, и моли Господа Бога твоего» ([Ион. I:6](#)). Он уже из опыта узнал, что то была не обыкновенная буря, но наказание, ниспосланное от Бога, — такое волнение, пред которым бессильно искусство человеческое, и что тут бесполезны руки кормчего; для укрощения его нужен был другой, лучший кормчий, управляющий всем миром; потребна была помощь свыше. Поэтому и корабельщики, оставя весла и паруса, и снасти, и все, отняв руки от весел, подняли их к небу, и молили Бога. Когда же и это не помогло, тогда, говорит Писание, «метнуша жребия» ([Ион. I:7](#)), и жребий открыл наконец виновного. Впрочем они не просто взяли его и бросили в воду, но среди столь великого смятения и тревоги, как бы среди великой тишины, устроили на корабле судилище, дали ему (Ионе) говорить, дозволили защищаться, и все исследовали тщательно, как будто должны были отдать кому отчет в своем приговоре. Послушай же, как они исследывают все, как бы в судилище. «Что твое делание есть, и откуда грядеши и камо идеши, и от коея страны, и киих людей еси ты» ([Ион. I:8](#))? Море уже обвиняло его, вопия против него, обличил и засвидетельствовал против него жребий — однако же, они, не смотря ни на вопль моря, ни на свидетельство жребия, не произносят еще приговора, но, как в судилище, хотя присутствуют и обвинители, предстоят и свидетели и улики, судии дотоле не произносят приговора, пока сам подсудимый не повинится в своем грехе, так и здесь корабельщики, люди иноплеменные и несмысленные, соблюдали порядок, какой бывает в судах. И это (сделали они) среди столь великого страха, столь великого волнения, столь великой тревоги, когда море не давало им и вздохнуть, — так оно шумело и ярилось, с неистовством и воем воздымая непрестанные волны. Откуда же, возлюбленные, происходила такая попечительность о пророке? От устройства Божия. Бог так устроил это, вразумляя чрез это

пророка быть человеколюбивым и кротким, и как бы взывая к нему и говоря: подражай корабельщикам, несмысленным. Они не пренебрегают и одною душою, не безжалостны и к одному твоему телу; а ты предал, сколько от тебя зависело, целый город, в котором столько тысяч жителей. Они, и открыв виновника приключившихся им бедствий, не спешат произнести обвинительный приговор, а ты, не имея причины обвинять ниневитян, потопил их и погубил. Притом ты не послушал, когда Я повелевал тебе идти с проповедью воззвать их (ниневитян) ко спасению; а эти (корабельщики), и без всякого приказанья, употребляют все средства, чтобы тебя, оказавшегося виновным, избавить от наказания. В самом деле, корабельщики и после обвинения от моря, после улики чрез жребий, когда и сам (Иона) обвинял себя и признался в бегстве, и тогда не устремились на погибель пророка, но медлили, удерживались и употребляли все средства, чтобы, и после такого обличения, не предать его неистовству моря. Но этого не дозволило море, или — лучше — не допустил Бог, желая вразумить Иону, как чрез корабельщиков, так и чрез кита. И точно, услышав: «возьмите мя, и вверзите в море, и утолится море от вас» ([Ион. I:12](#)), — они усиливались подойти к земле, но волны не дозволили.

4. Так вот ты видел пророка бегущим: послушай же, как он и исповедуется из глубины — из чрева китова. То сделал (бежал) он, как человек, а это (исповедание) совершил, как пророк. Итак море, приняв его, ввергло, как в некую темницу, во чрево китово, чтобы сохранить Господу беглеца невредимым. Ни лютые волны, взявшие его, не задушили его, ни более лютый, чем волны, кит, поглотивший его, не погубил во чреве, но сохранил и привел в город. И море, и кит оказали сверхъестественное послушание, чтобы пророк всем вразумился. И вот он, пришедши в город, прочел приговор, как царскую грамоту о наказании, и воззвал, говоря: «еще три дни, и Ниневиа превратится» ([Ион. III:4](#)).

Услышали это ниневитяне, и не показали неверия и пренебрежения, но тотчас поспешили к посту все — мужи, жены, рабы, господа, начальники, подчиненные, дети, старцы; даже и бессловесные не были изъяты от этого общественного подвига; всюду вретища, всюду пепел, всюду плач и вопль. И сам облеченный диадемою, сойдя с царского престола разостлал под собою вретище, посыпал пепел, и таким образом исхитил город из опасности. Открылось необычайное явление: порфира уступила вретищу! В самом деле, для чего бессильна была порфира, то могло сделать вретище; чего не сделала диадема, то совершил пепел. Видишь, не напрасно сказал я, что бояться надобно не поста, но пьянства и объедения? Пьянство и объедение поколебали и грозили ниспровергнуть город, когда он стоял, а пост поддержал его и тогда, как колебался и готов был упасть. С постом и Даниил, войдя в ров львиный, вышел оттуда так, как будто был там с кроткими овцами. Львы, хоть и кипели яростью, и бросали убийственные взгляды, однакож не коснулись лежавшей пред ними трапезы ⁸, но отказались от этой пищи, тогда как и сама природа возбуждала их (потому что нет ничего лютее этих зверей), и голод (потому что они не ели семь дней), как некий внутренний палач, понуждал их растерзать пророческую утробу. С постом и три отрока войдя в вавилонскую печь, и долгое время пробыв в огне, вышли из печи с телами светлее самого огня. Но если тот огонь был действительно огонь, как же он не сделал того, что свойственно огню? Если тела отроков были точно тела, как же они не потерпели того, что свойственно телам? Как? Спроси у поста, и он ответит тебе, и сам разрешит тебе загадку: это действительно была загадка. Природа тел боролась с природою огня, и победа осталась за телами! Видел ты чудную борьбу? Видел еще чудную победу? Подивись посту и прими его с распростертыми руками. Если он и помогает в печи, и сохраняет во рве львином и изгоняет демонов, и изменяет определение Божие и укрощает неистовство страстей и возводит нас к свободе, и производит великую тишину в помыслах наших, то не крайне ли было бы безумно убегать и бояться его, когда столько благ в руках у него? Он, говорят, измождает наше тело до немощи. Но чем более «внешний наш

человек тлеет», тем более «внутренний обновляется по вся дни» (2 Кор. IV:16). А лучше сказать, если захочешь тщательно исследовать дело, то найдешь, что пост есть мать и здоровья телесного. И если не веришь моим словам, спроси об этом у врачей, и они яснее покажут это. Воздержание они называют матерью здоровья, а о болезнях в ногах, и о болезнях головных, об апоплексии и о рвоте, и о водяной болезни, и о воспалениях и опухолях, и о бесчисленном множестве других болезней говорят, что они происходят от лакомства и пресыщения, как от самого нечистого источника нечистые ручьи, пагубные и для здоровья тела, и для целомудрия души.

5. Итак, не будем бояться поста, который избавляет нас от столь великих зол. Не без причины внушаю вам это, но потому, что вижу много таких людей, которые уклоняются и бегут прочь, как будто их хотят отдать в руки какой-либо суровой жене, и губят сегодня сами себя пьянством и пресыщением. Поэтому советую: не губите наперед, объедением и пьянством, ожидаемой от поста пользы. И люди с расстроеным желудком, когда пред тем, как надобно им принять горькое лекарство, наполняют себя излишнею пищею, и потом примут лекарство, то — горечь эту вытерпят, а пользы не получают, потому что они затруднили действие лекарства на испорченные мокроты. Поэтому врачи и советуют им ложиться спать не ужинавши, чтобы вся сила лекарств тотчас же обратилась на излишние мокроты, причиняющие болезнь. Так бывает и с постом. Если ты сегодня предашься великому пьянству, а завтра примешь врачевство поста, этим сделаешь, что оно будет для тебя бесполезно и бесплодно, и ты хоть понесешь труд, но не соберешь плодов поста, потому что он всю свою силу употребит против вреда, только что причиненного пьянством. Если же ты приготовишь для него легкое тело и примешь лекарство с трезвою мыслью, то можешь очистить много прежних грехов. Итак, не будем — и вступая в пост упиваться, и после поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того же, что бывает, когда кто ударяет ногою больное тело, только что оправляющееся от болезни, и этим снова повергает его в более тяжкую болезнь. Это бывает и с нашею душою, когда мы в обоих случаях — и в начале и в конце поста — омрачаем облаком пьянства трезвость, полученную нами от воздержания. Как готовящиеся сражаться с дикими зверями сперва ограждают главные члены свои многими орудиями и щитами, и затем уже вступают в борьбу с зверями, так и теперь есть много людей, которые, готовясь сражаться с постом, как бы с диким зверем, ограждают себя объедением, и, до крайности обременив и омрачив себя, весьма неразумно встречают тихое и кроткое лицо поста. И если спрошу тебя: для чего сегодня идешь в баню? — ты скажешь: чтобы с чистым телом сретить пост. А если спрошу: отчего упиваешься? — ты опять скажешь: оттого, что готовлюсь вступить в пост. Но не странно ли этот прекраснейший праздник встречать с телом чистым, а с душою нечистою и опьяневшею? Можно бы сказать и больше этого, но для здравомыслящих и этого довольно для исправления. Итак, надобно прекратить слово, потому что хочу я послушать и голоса отца. Мы, как малые пастушеские дети, играем на легкой свирели, сидя под сенью этого святилища, как бы под дубом или тополем: а он, подобно тому, как отличный какой музыкант, настроив золотую арфу, стройностью звуков восхищает всех слушателей, — так и он доставляет нам великую пользу не стройностью звуков, но согласием слов и дел. Таких-то учителей и Христос ищет: «сотворивший, — сказал Он, — и научивший, сей великий наречется в царствии небесном» (Матф. V:19). Таков и этот⁹; потому он и велик в царствии небесном. Да сподобимся же и мы, по молитвам его и всех сослужителей, получить царство небесное, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О посте, сказанная в шестую неделю святой Четыредесятницы

1. Как приятны для нас волны этого духовного моря, — приятнее и волн морских! Эти воздвигаются возмущением ветров, а те желанием слышать (поучение); эти, воздымаясь, приводят кормчего в великий страх, а те, появляясь, влагают в говорящего великое дерзновение. Эти служат знаком ярящегося моря, а те признаком радостной души; эти ударяясь о камни, производят глухой шум, а те, приражаясь к слову учения, издают приятный звук. Равным образом и дуновение легкого ветра, когда падает на нивы и то приклоняет к земле, то поднимает вверх головки колосьев, — представляет на суше подобие морских волн. Но и тех нив приятнее эта нива¹⁰, потому что не дуновение ветерка, а благодать Св. Духа возбудила и согрела души ваши; и огонь, о котором некогда сказал Христос: «огня приидох воврещи на землю, и что хочу, аще уже возгорется» (Лук. XII:49), — этот огонь, вижу я, ввергнут и горит в душах ваших. Поелику же страх Христов возжег для нас столько лампад, то воъем в них елей учения, дабы свет у нас был продолжительнее.

Вот уже время поста склоняется у нас к концу; дошедши до середины поприща, мы подошли уже к концу (его), потому что, как тот, кто начал, двинулся к середине, так тот, кто дошел до середины, касается конца. Итак, время (поста) склоняется к концу, и ладья смотрит уже в пристань; но дело не в том, чтобы войти в пристань, а чтобы ввести (в нее) ладью не без прибыли. Прошу всех вас и молю, пусть каждый в своей совести рассмотрит (свою) торговлю постом, и если найдет, что прибыль велика, пусть еще умножает (его) торговлю; если же (найдет, что) ничего не собрано, пусть употребит на эту торговлю остальное время. Пока стоит ярмарка, станем торговать для приобретения большой прибыли, чтобы не уйти (нам) с пустыми руками, чтобы, подъявши труд поста, не лишиться награды за пост. Можно ведь и понести труд поста, и не получить награды за пост. Как? Когда от пищи мы воздерживаемся, а от грехов не удерживаемся; когда мяса не едим, а поедаем дома бедных; когда вином не упиваемся, а упиваемся злою похотью; когда весь день проводим без пищи, и весь же день бываем на бесстыдных зрелищах. Вот и труд поста, и никакой награды за пост, когда ходим на зрелища беззакония. Не к вам (мое) слово; знаю, что вы чисты от вины; но опечаленные имеют обычай изливать гнев на присутствующих, когда нет при них виновников (их печали). Какая выгода постящимся ходить на зрелища беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы? Да, не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней, эту вавилонскую печь, назовет и седалищем пагубы, и школою распутства, и училищем невоздержания, и всем, что ни есть постыднейшего. Действительно, дьявол, ввергнув город в театр, как бы в какую печь, затем поджигает снизу, подкладывая не хворост, как некогда иноплеменник тот¹¹, не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, злободейные взгляды, срамные слова, развратные стихотворения и самые негодные песни. Ту печь разожгли руки иноплеменнические, а эту печь разжигают помыслы, более неразумные, чем иноплеменники. Эта печь хуже той, потому что и огонь (здесь) пагубнее: он не тела сожигает, но разрушает благосостояние души; а еще хуже то, что горящие (в этом огне) даже и не чувствуют, потому что если бы чувствовали, то не производили бы громкого смеха при виде того, что происходит. А это-то и хуже всего, когда больной не знает даже и того, что он болен, и сгорая жалким и бедственным образом, не чувствует воспалений. Какая польза в посте, когда тело ты лишаешь дозволенной законом пищи, а душе даешь пищу противозаконную; когда целые дни просиживаешь там (в театре), смотря на посрамление и унижение общей (человеческой) природы, на жен — блудниц, на лицедеев, которые, собирая все, что есть худого в каждом доме, представляют зрелища злободейния? Да, там можно видеть и

блудоддеяния, и прелюбоддеяния, можно слышать и богохульные речи, так что болезнь проникает в душу и чрез глаза, и чрез слух; (там лицедеи) представляют чужие несчастья, от чего дано им и позорное имя. Итак, какая прибыль от поста, когда душа питается всем этим? Какими глазами посмотришь ты на жену после тех зрелищ? Как взглянешь на сына, как да слугу, как на друга? Надобно ли быть бесстыдным, рассказывая о том, что бывает там, или молчать, краснея от стыда. Но отсюда уходишь не таким, нет, ты можешь смело пересказывать дома все, что здесь говорится, — вещания пророческие, учения апостольские, законы Господни, — можешь предлагать всю трапезу добродетели; а таким повествованием жену ты сделаешь более целомудренною, сына более разумным, слугу более преданным, друга более искренним, да и самого врага заставишь прекратить вражду.

2. Видишь, как эти наставления во всем спасительны, а те представления совершенно непотребны. Какая же польза в посте, скажи мне, когда телом ты постишься, а глазами любодействуешь? Ведь любодеяние состоит не только в соитии или совокуплении телесном, но и в бесстыдном взгляде. Какая же польза, когда ты бываешь и здесь, и там? Я учу, а тот развращает; я прилагаю лекарство к болезни, а тот усиливает причину болезни; я погашаю пламя природы, а тот разжигает пламя похоти. Какая же польза, скажи мне? «Един созидай, а другой разоряй, что успеет более, токмо труд» ([Сир. XXXIV:23](#))? Итак, будем проводить время — не здесь и там, но только здесь, чтобы здесь проводить его с пользою, не попусту, не напрасно и не в осуждение. «Един созидай, а другой разоряй, что успеет более, токмо труд?» Если бы даже и много было созидающих, а один разоряющий, и тогда легкость разрушения восторжествовала бы над множеством созидающих. Поистине, великий стыд, что и юноши, и старцы спешат к таким занятиям. И пусть бы зло ограничивалось только стыдом, хотя и это для человека благородного не легко, напротив для благоразумного весьма важная потеря — и позор и стыд; но не в стыде только наказание, нет, за это угрожает еще великая казнь и мучение. Сидящие там (на зрелищах) все, по необходимости, уловляются грехом любодеяния, не потому, чтобы совокуплялись с находящимися там женами, а потому, что смотрят на них бесстыдными глазами. А что и они неизбежно становятся виновными в любодеении (в доказательство этого), скажу вам не свое слово, чтоб вы не пренебрегали (им), но прочитаю вам закон Божий, которым уже нельзя пренебрегать. Что же говорит закон Божий? «Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши. Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем» ([Матф. V:27—28](#)). Видел ты совершенного прелюбоддея? Видел вполне учиненный грех? И что еще хуже — прелюбоддея, уличенного в любодеении, не на человеческом, но на Божественном судилище, где наказания нескончаемы? «Всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем». (Спаситель) исторгает не болезнь только, но и корень болезни. Корень любодеяния бесстыдная похоть, потому Он наказывает не только за любодеяние, но и за похоть, мать любодеяния. Так поступают и врачи: они вооружаются не только против болезней, но и против самых причин (их); и если увидят, что больны глаза, останавливают течение худых мокрот сверху, из висков. Так делает и Христос. Любодеяние есть тяжкая глазная болезнь, болезнь глаз, не только телесных, но еще более душевных; поэтому (Он) там и остановил ток бесстыдства страхом закона; поэтому и определил наказание не только за любодеяние, но и за похоть. «Уже любодействова с нею в сердцы своем»: а когда растлено сердце, то что пользы в остальном теле? Когда в растениях и деревьях увидим сердцевину изъеденною, мы уже ни во что ставим остальную часть: так и в человеке, когда сердце погребло, тщетно уже здоровье остального тела. Возница пал, погиб, низринут: так напрасно уже бегут кони. Труден закон и имеет в себе много тяжкого, зато великий дает и венец; таковы именно дела трудные, что они доставляют великие награды. Но ты обращай внимание не на труд, а размышляй о воздаянии; так бывает и в

житейских делах. Если будешь иметь в виду трудность подвигов, дело покажется тяжелым и невыносимым, а если будешь смотреть на награду, оно будет легко и удобоносимо. Так и кормчий, если бы смотрел только на волны, — никогда бы не вывел ладьи из пристани: но, смотря на прибыль, а не на волны, он отваживается пускаться и в неизмеримое море. Так и воин, если будет смотреть на раны и поражения, — никогда не наденет брони; если же будет смотреть не на раны, а на трофеи и победы, то устремится на сражение, как на луг. Таким образом и тяжкое по природе становится легким, когда мы не о трудах только размышляем, но и смотрим на награды за них. Хочешь ли знать, как трудное по природе становится легким? Послушай Павла, который говорит: «еже бо ныне легкое печали.., по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделовает нам» ([2 Кор. IV:17](#)). Слова эти загадочны. Если «печали», то как «легкое»? Если «легкое», то как «печали»? Одно с другим несовместно. Но (Павел) разрешил загадку, показав легкость (печали) следующими затем словами. Какими? «Не смотряющим нам видимых» ([2 Кор. IV:18](#)). Предложил венец — и сделал подвиг легким; показал награду — и облегчил труды. Так и ты, когда увидишь жену, красивую лицом и в светлой одежде; когда увидишь, что похоть подстрекает (тебя), и что душа (твоя) ищет этого зрелища: воззри на уготованный тебе на небе венец — и пройдеши мимо такого зрелища. Ты увидел подобную тебе рабыню? Помысли о Владыке — и, несомненно, прекратишь недуг. Если и дети, идя за учителем, не резвятся, не смотрят по сторонам, не пугаются, тем более ты не испытаешь ничего такого, видя при себе мысленно Христа. «Иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердца своем». С удовольствием и очень часто повторяю я слова этого закона; о, если бы мог я и целый день говорить об этом вам, или лучше, не вам, но виновным в грехах, — а впрочем и вам, потому что и вы будете более безопасны, и находящиеся в болезни скорее выздоровеют. «Иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердца своем».

3. Одного чтения этих слов достаточно для очищения всякой гнилости греха. Но будьте снисходительны: мы очищаем раны, а очищающему раны необходимо употреблять и острые лекарства. Чем долее будете вы внимать (этим) словам, тем более будет очищаться гной. Как огонь, чем сильнее объемлет золото, тем более истребляет ржавчину; так и страх, внушаемый этими словами, чем глубже проникнет в душу вашу, тем более очистит весь грех невоздержания. Сожжем же его здесь словом учения, чтобы не быть нам в необходимости сожечь его там — огнем геенским: этот огонь не коснется души, отшедшей отсюда чистотою, но он обьет душу, отшедшую отсюда во грехах. «Когождо дело, — говорит Писание, — якоже есть, огонь искусит» ([1 Кор. III:13](#)). Будем испытывать самих себя ныне без болезни, чтобы не быть испытанными тогда с болезнью. Что ни говори, скажешь, а закон труден. Что же? Бог повелевает нам невозможное? Нет, говорю я; сомкни свои уста, не обвиняй Господа; это не оправдание, а новый грех хуже прежнего. А что у многих грешников есть обычай взводить обвинение на Господа, — так послушай. Приступил получивший пять талантов и принес другие пять; приступил получивший два таланта и принес другие два; приступил получивший (один) талант и, поелику не мог принести другого таланта, то вместо таланта принес обвинение. Как? «Видех тя, — говорит, — яко жесток еси». О, бесстыдный раб! Он не довольствуется грехом, но взносит еще обвинение на господина: «жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши идеже не расточил еси» ([Матф. XXV:20—24](#)). Так и в настоящей жизни все те, которые не делают ничего доброго, усугубляют грехи свои обвинением Господа.

Итак, не обвиняй Господа: Он не заповедал невозможного? Хочешь знать, что Он не заповедал невозможного? Многие делают даже больше заповеданного, но они не сделали бы этого при всем своем усердии, если бы заповеданное было невозможно. Господь не заповедал девства, а многие хранят (его); не заповедал нищеты, а многие бросают свое (имущество),

свидетельствуя делами, что заповеди закона весьма легки: они сделали бы больше заповеданного, если бы заповеданное не было легким. Господь не заповедал девства, потому что кто заповедует девство, тот подчиняет человека необходимости закона и против воли его, а кто только советует, тот оставляет слушателя господином (своей) воли. Посему-то и Павел говорит: «о девах же повеления Господня не имам, совет же даю» ([1 Кор. VII:25](#)). Видишь, не повеление, но совет? Видишь, не заповедь, а внушение? А тут большая разность: одно — дело необходимости, другое — дело произволения. Не повелеваю, говорит, чтобы не обременить; убеждаю и советую, чтобы склонить. Так и Христос не сказал: все пребывайте в девстве, потому что, если бы Он повелел быть девственниками всем, и эту заповедь сделал законом, то и исполнивший (ее) не получил бы той великой чести, какую получает теперь, и преступивший понес бы самое тяжкое наказание. Видишь, как Законодатель щадит нас, как печется о нашем спасении? Разве Он не мог дать и эту заповедь и сказать: хранящие девство да прославятся, а не хранящие да будут наказаны? Но (через это) Он обременил бы нашу природу, а Он щадит ее. Он поставил девство вне поприща, поставил выше места борьбы, чтобы и соблюдающие обнаружили величие своей души, и несоблюдающие воспользовались снисхождением Владыки. Не дал Он также заповеди и о нищете, не просто сказал: продай имение твое, но: «аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое» ([Матф. XIX:21](#)). Пусть (это) будет в твоей воле; будь господином (своего) намерения; не принуждаю, не обременяю; нет, исполняющего я венчаю, а не исполняющего не наказываю. Что делается по повелению и долгу, то не заслуживает великой награды; а что по произволению и собственной ревности, то доставляет блистательные венцы. И свидетелем этого представляю Павла: «аще... благовествую, — говорит он, — несть ми похвалы». Почему? «Нужда бо ми належит: горе же мне есть, аще не благовествую» ([1 Кор. 9:16](#)). Видишь, исполняющий предписанное законом не заслуживает великой награды, потому что это необходимая обязанность; а неисполняющий подлежит наказанию и мучению. «Горе, — говорит, — мне есть, аще не благовествую». А в рассуждении прочего, что (зависит) от произволения, не так; но что? «Кая убо ми есть мзда? Да благовествуй без мзды положу благовестие Христово, во еже не творити ми по области моей» ([1 Кор. 9:18](#)). Там был закон, поэтому (Павел) не заслуживал великой награды; а это было делом произволения, потому что он получил великую награду.

4. Все это сказано мною не без причины, но ради закона Божия, чтобы показать, что он не тяжок, не обременителен, не труден и не неисполним. Теперь же докажем это и самыми словами Христа. «Иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем». Знал это и Христос, что многие будут обвинять закон в трудности: посему не предложил его просто и в отдельности, но тут же припоминает и древний закон, чтобы чрез сравнение показать и легкость (закона), и свое человеколюбие. А как, — послушайте. Не сказал просто: «иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем» (слушайте это со вниманием); но прежде напомнил о древнем законе, говоря: «слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши. Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем». Видел ты два закона — древний и новый, (один), который дал Моисей, и (другой), который вводит сам Он? Впрочем и тот (Моисеев) Он же дал, потому что и чрез Моисея Он говорил. А откуда видно, что и тот закон дал Он же? Приведу свидетельство не из Иоанна и не из апостолов, так как у меня теперь состязание с иудеями, но из пророков, которым они, кажется, верят, — из них докажу, что и древний, и новый (завет) имеют одного Законодателя. Итак, что говорит Иеремия? «Завещаю вам завет нов» ([Иер. XXXI:31](#)). Видишь и нового (завета) имя в ветхом? Видишь, что и это название известно стало за столько лет? «Завещаю вам завет нов». Но откуда видно, что и ветхий завет Он же (Христос) дал? Сказавши: «завещаю вам завет нов», (Господь)

присовокупил: «не по завету, егоже завещах отцем вашим» ([Иер. XXXI:32](#)). Это так; но все еще мы не доказали своего предмета. Надобно выставить на вид и объяснить все, что представляет случай к спору, чтобы наше слово со всех сторон было чисто и чтобы бесстыдным не осталось никакой отговорки. «Завещаю вам завет нов, не по завету, егоже завещах отцем вашим». Бог постановил завет с Ноем, когда был потоп, желая избавить нас от страха, чтобы мы, и при виде наводнения, и всегда, как видим дождь, не боялись, что и опять будет та всеобщая гибель; поэтому, говорит, «завещаю завет с тобою, и со всякою плотию»¹² ([Быт. IX:9](#)). Постановил также с Авраамом завет обрезания; постановил и чрез Моисея завет, известный всем. Иеремия сказал: «завещаю вам завет нов, не по завету, егоже завещах отцем вашим». Скажи, каким отцам? И Ной был отец, и Авраам был отец: о каких же говорит Он отцах? Неопределенность лиц производит темноту. Здесь будьте внимательны. «Не по завету, егоже завещах отцем вашим». Дабы ты не сказал, что (Бог) говорит о завете с Ноем, — дабы не сказал, что говорит о завете с Авраамом, — Он вот как напомнил и о самом времени заветов. Сказав: «завещаю вам завет, не по завету, егоже завещах отцем вашим», тут же указал и на время: «в день, в онъ же емшу ми за руку их, извести я от земли египетския» ([Иер.31:31—32](#)). Видишь, какую ясность сообщило определение времени? Теперь уже и иудей не противоречит: вспомни время, и прими законодательство. «В день, в онъ же емшу ми за руку их». Но для чего Бог говорит и об образе исхода (иудеев из Египта)? «Емшу ми за руку их, извести я от земли египетския». Чтобы показать Свою отеческую любовь, Он вывел их, не как рабов, но взял, как отец дитя, и так освободил; не повелел, как рабу, позади себя идти, но взял за правую руку, как сына благородного и свободного, и так вывел. Видел ты, что у обоих заветов Законодатель один? Теперь, когда состязание мы уже кончили, я докажу тебе это же и из нового (завета), чтобы ты видел согласие (обоих) заветов. Видел ты пророчество посредством слов? Познай и пророчество посредством образов. Но как и это опять неясно, что такое пророчество посредством образа, и что такое пророчество посредством слова, — то и это вкратце объясню. Пророчество посредством образа есть пророчество событий, а другое пророчество есть пророчество посредством слов; разумнейших (Господь) убеждал словами, а неразумных видением событий. Так как имело произойти событие великое, и Бог имел принять на Себя плоть; так как земля имела сделаться небом, и наше естество возвыситься до благородства ангелов; так как проповедь о будущих благах превышала надежду и ожидание, — то, чтобы новое и необычайное, явившись внезапно, не смутило тех, которые тогда будут его видеть и слышать, (Бог) заранее предызображал (все это) посредством дел и слов, и таким образом приучал наш слух и зрение и приготавливал будущее. А это и было то самое, о чем мы говорили, т. е. что означает пророчество посредством образа и что означает пророчество посредством слова: одно — посредством событий, другое — посредством слов. Скажу тебе пророчество и событием и словом об одном и том же: «яко овча на заколение ведяся, и яко агнец пред стригущим его» ([Иса. LIII:7](#)). Это пророчество словом. А когда Авраам приносил Исаака, то, увидев овна, запутавшегося рогами, принес его в жертву на самом деле, и в нем, как в образе, предвозвестил нам спасительную страсть.

5. Хочешь, докажу тебе делами, что как я говорил, оба эти завета имеют одного Законодателя? Видел овца в (пророчестве посредством) слова ([Иса. LIII:7](#)): познай (его) и в событии. «Глаголите ми, иже под законом хотите быти» ([Гал. IV:21](#)). Хорошо (апостол) сказал: «хотите быти», — потому что (они) не были; а если бы были под законом, то не были бы под законом. Слова эти, может быть, загадочны: (объясним их). Закон внимательных (к нему) приводит ко Христу; а кто отвергает Учителя (Христа), тот не знает и детоводителя (закона) ([Гал. 3:25](#)). Потому, говорит, «глаголите ми, иже под законом хотите быти: закона ли не слушаете? Писано бо есть, яко Авраам два сына име: единого от рабы, а другаго от свободныя.

«Же суть иносказаема» ([Гал. IV:21—22, 24](#)). Видишь пророчество посредством события? Иметь жен — не слово, а событие. Я показал тебе рабу и свободную в словах, что один Законодатель обоих заветов: узнай (теперь) то же самое и в образах. Авраам имел двух жен: это два завета и один Законодатель. Как там овен и овен — один в слове, другой в деле, и при этом великое согласие в делах и словах, так и здесь два завета, и их-то Иеремия предрек словом, а Авраам изобразил событием, — тем, что имел двух жен, потому что как один муж и две жены, так один Законодатель и два завета. Но все это сказано и предложено (мною) — не должно ведь отступать от предмета — по поводу слов: «иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем». Так, но дело, для которого все это мы предложили, в том, «для чего» (Христос) читает им (Своим слушателям) древний закон? Он говорит им: «слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши». Знал Он, что заповедь трудна, не сама по себе, но по нерадению слушающих. Многие и легкое само по себе становится неудобноисполнимым, когда мы нерадивы, равно как и трудное делается легким и удобоносимым, когда мы ревностны, потому что трудность — не в природе вещей, но в воле делающих. А что это так, видно из следующего, мед по своей природе сладок и весьма приятен, но для больных он и горек, и неприятен, однако же не по собственной природе, а по болезни тех. Так и закон, если кажется трудным, то не по своей природе, но по нашему нерадению. Немногого стоит мне труда доказать, что он легок для исполнения; чтобы сделать его трудным, для этого надлежало бы сказать иное. Теперь Он говорит: убегай взгляда на жену, отложи невоздержание; а чтобы он был трудным, для этого надлежало бы сказать наоборот: ближе знакомься с женщинами, засматривайся на чужую красоту, и затем побеждай похоть. Вот это было бы трудно. А что Он говорит: беги от печи, удались от огня, не приближайся к пламени, чтобы быть тебе невредимым, — это весьма легко, потому что такая заповедь сообразна с природою. «Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши». Итак, для чего (Христос) напоминает нам о древнем законе, намереваясь ввести другой? Дабы ты из сравнения (обоих законов) познал, что нет противоречия между тем и другим, потому что когда бывает сравнение (двух предметов), то суждение (о них) становится очевиднее. Так как некоторые готовы были возразить, что (Христос), говоря это, вводит противный прежнему закон, то вот, говорит Он, Я полагаю оба закона рядом: испытай и познай их согласие. Впрочем, делает Он так, не для этого только, но и для того, чтобы показать, что (новый закон) и легок, и благовременно вводится. С этою целью говорит: «слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши»: столько-то времени вы упражнялись в древнем законе! Как учитель, обращаясь к ленивому отроку, который хочет еще заниматься старыми уроками, и намереваясь повести его к высшим (познаниям), говорит: подумай, сколько времени употребил ты на это ученье, — так и Христос: чтобы напомнить, что (слушатели) много времени упражнялись в древнем законе и (много) посвятили ему, и что пора уже перейти к высшему закону, указал им на бывшее некогда у отцов их законодательство, говоря: «слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши». То сказано было древним, — «Аз же глаголю вам». Если бы Он говорил древним, ты имел бы причину жаловаться, потому что тогда природа наша была менее совершенна; а когда природа (наша) пришла в большую силу и сделалась более совершенною, тогда уже настало время и для учения более совершенного. Поэтому Христос, лишь только еще начинает законодательство, (в предотвращение того), чтобы кто-нибудь, видя большую строгость любомудрия, не предался беспечности и нерадению, говорит: «аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное» ([Матф. V:20](#)). Большого от меня требуешь труда? Почему? Разве я не одинаковой природы с теми (древними)? Разве я не (такой же) человек, как и они? Так, чтобы не сказали этого, зачем т. е. увеличил для нас труды, зачем назначил большие подвиги, Господь наперед отстранил это возражение, сказав о царстве

небесном: большие, говорит, предлагаю я и награды. Сказав о трудах, сказав о подвигах, сказав о большей строгости законодательства, Он напомнил о наградах. Не Палестину, говорить, даю вам, не землю, текущую млеко и медом — нет, предлагаю вам самое небо. Впрочем, если мы имеем преимущество (пред древними), в наградах за добродетели, то подлежим, в случае преступления закона, и большему наказанию за грехи. Как жившие до закона подверглись легчайшему наказанию, чем те, кто жил во время закона: «елицы бо, — говорит, — без закона согрешаши, без закона и погибнут» ([Рим. II:12](#)), то есть, не будут иметь обвинителем своим закона, но произнесу, говорит, приговор над ними чрез самую природу их, «между собою помыслом осуждающим, или отвещающим» ([Рим. 2:15](#)), — так и согрешающие под благодатию потерпят тягчайшее наказание, чем те, которые согрешали в законе. Различие между теми и другими Павел показал так: «отвергся кто закона Моисеова, без милосердия при двоих или трех свидетелях умирает: колико мните горشيا сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый» ([Евр. X:28—29](#))? Видишь, под благодатию наказание больше, так как и награды больше? Но как я напомнил вам о страшных и духовных тайнах, то убеждаю вас, и молю, и прошу, и желаю со всем усердием, да приступаете к этой страшной трапезе, отложив всякий грех. «Мир, — говорит апостол, — имейте со всеми и святыню, ея же кроме никтоже узрит Господа» ([Евр. XII:14](#)). А кто недостойн видеть Господа, тот недостойн и приобщения тела Господня. Поэтому Павел говорит: «каждый да искушает... себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет» ([1 Кор. XI:28](#)). Не обнаружил раны, не выставил вины на всеобщий позор, не представил свидетелей преступления: нет, внутри — в совести, в отсутствии всех, кроме всевидящего Бога, твори суд и исследование своих грехов, и, разбирая всю жизнь, веди грехи на судилище ума; исправь проступки, и потом уже с чистою совестью приступай к священной трапезе, и причащайся святой жертвы. Это имея в уме, также помня сказанное нами о невоздержании и то, какое наказание угрожает бесстыдно смотрящим на лица жен, а прежде и геенны имея пред очами страх и любовь Божию, будем очищать себя во всем и таким образом приступать к священным тайнам, да примем их не в суд и осуждение, но во спасение и здравие души, и в непрестанную надежду на это спасение, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Раави

1. Божественный апостол всегда говорит божественным и небесным языком, и с великим искусством преподаёт евангельское слово, изрекая правила веры не от собственного разума, а по царской своей власти. Преимущественно же он обнаруживает такое искусство тогда, когда обращается с речью о покаянии к согрешающим. О том же самом предмете и я буду беседовать с вами. Итак, вы слышали, — коснусь сказанного лишь отчасти, — как этот доблестный и дивный муж, беседуя с коринфянами, говорил: (боюсь) «еда како пришед... не восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся» ([2 Кор. XII:20—21](#)). По природе этот великий учитель был человек, а по воле — Божий служитель, почему он и говорит как бы небесным языком, и как будто возглашая из самых небес и грешников устрашает угрозами, и кающимся обещает прощение. Когда я говорю это, то приписываю власть не (личному) слову Павла, а возвожу все к благодати Божией, о чем говорил ныне он сам: или вы «искушения ищите глаголющаго во мне Христа» ([2 Кор. XIII:3](#))? Итак, он предлагает грешникам целительное врачевство и спасительное покаяние. Но сегодня с апостольским чтением совпало и евангельское властное изречение Спасителя, изобильно дарующее отпущение грехов. Исцеляя расслабленного, Спаситель, как вы только что слышали, сказал: «чадо, отпущаются тебе греси твои» многи ([Мк. II:5](#)), а отпущение грехов — источник спасения и воздаяние покаяния. Покаяние есть врачевство, истребляющее грех; оно есть дар небесный, чудесная сила, благодатию побеждающая силу законов, почему оно ни блудника не отвергает, ни прелюбодея не отгоняет, ни пьяницы не отвращает, ни идолослужителем не гнушается, ни поносителя не отменяет, ни хулителя не гонит, ни гордеца, но всех пременяет, потому что покаяние — горнило греха. Но необходимо наперед познать намерение Божие (когда Он терпит согрешающих), приступая к такому рассмотрению не по нашим домыслам, а показывая, как истина свидетельствуется самими божественными Писаниями. Когда Бог долготерпит грешникам, то имеет двоякую спасительную цель: с одной стороны Он ищет чрез покаяние спасения им самим, а с другой — предуготовляет благодеяние для их потомков, которые будут успевать в добродетели. Бог, — повторю опять, — долготерпит, чтобы и сам грешник покался, и своим потомкам не заключил пути ко спасению, потому что, хотя сам грешник и остается нераскаянным, Бог часто щадит корень, чтобы сохранить плоды, часто же, как прежде сказал я, исправляет и самый корень; а когда последний подвергается окончательной порче, то Бог отсрочивает наказание, ожидая, чтобы другие спаслись чрез покаяние. А как? Выслушай (следующее): Фарра, отец Авраама, был идолослужитель, однако не был наказан здесь за свое нечестие; да это так и следовало, потому что откуда произрос бы такой плод веры, если бы Бог пресек корень? Что хуже Исава? Посмотри здесь на другой пример божественного милосердия. Что бесстыднее его нечестия? Не он ли был блудодей и сквернитель, как сказал апостол ([Евр. XII:16](#))? Не матереубийца, не отцеубийца ли он? Не убийца ли брата, по крайней мере в мыслях? Не он ли ненавидим был Богом, как свидетельствует Писание, говоря: «Иакова возлюбих, Исава же возненавидех» ([Римл. IX:13](#))? Если же он и блудник, и братоубийца, и сквернитель, и ненавидим Богом, то почему он не удаляется (из мира), почему не исторгается, почему не постигает его тотчас же достойная кара? Почему? Подлинно, следует указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого — послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил Зару, Зара, Иова. Видишь, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень?

2. Так рассуждай и о всех событиях. Так, Бог показывает долготерпение в отношении к

египтянам, произносившим нетерпимые хулы, ради тех церквей, которые цветут ныне в Египте, ради монастырей и избравших ангельское житие. В самом деле, и законоведы утверждают, и римские законы предписывают беременную женщину, если последняя совершит преступление, влекущее смертную казнь, предавать смерти не прежде, как она родит носимое во чреве. И такой закон весьма справедлив; составители законов не сочли справедливым губить зараз с преступною матерью неповинного младенца. Если же людские законы щадят ни в чем неповинных, то не гораздо ли больше, как и должно думать, сохранит корень Бог, предуготовляя плодам его благодеяние покаяния. Обрати, наконец, внимание на благодеяние покаяния и для самих грешников; причина божественного милосердия и в отношении к ним — та же самая. Если бы наказание предупреждало исправление, то мир окончательно бы погиб и уничтожился. Если бы Бог ускорял наказанием, церковь не приобрела бы Павла, не стяжала бы столь святого и великого мужа. Но Бог терпел его хулы, чтобы показать его обращение. Долготерпение Божие сделало гонителя проповедником, долготерпение Божие превратило волка в пастыря, долготерпение Божие из мытаря сделало евангелиста, чрез долготерпение Божие мы все помилованы, все пременились, все обратились. Когда увидишь, как бывший некогда пьяницей стал постником; когда увидишь, что хулителю стал богословом; когда увидишь, как сквернивший некогда свои уста постыдными песнями теперь очищает душу божественными песнопениями, — прославляй долготерпение Божие, восхваляй покаяние и, смотря на такую перемену, говори: «сия измена десницы Вышняго» ([Пс. LXXVI:11](#)). Бог благ ко всем людям, но преимущественно являет Свое долготерпение согрешающим. И если хочешь послушать нечто странное, — странное, впрочем, в обычном смысле, но истинное в рассуждении благочестия, — то выслушай.

К праведникам Бог везде является строгим, а к грешникам благим, и будучи скор на помилование, Он восставляет падшего грешника и говорит ему: «еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратися» ([Иер. VIII:4](#))? И еще: для чего отвратилась «отвращением безстыдным» несмысленная дочь Иудова ([Иер. VIII:5](#))? И опять: «обратитесь ко Мне... и обращуся к вам» ([Зах. I:3](#)). И в другом месте Он, по великому Своему человеколюбию, клятвою подтверждает, что спасение дается покаянием: «живу Аз, глаголет... Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратитися... и живу быти ему» ([Иезек. XXXIII:11](#)). Праведнику же Бог говорит: если сотворит человек всякую правду и всякую истину, и, совратившись, согрешит, не помяну правды его, но во грехе своем умрет ([Иезек. XVIII:24](#)). Какая строгость к праведнику! Какое щедролюбие к грешнику! Так Бог употребляет разнообразные и различные средства, не Сам пременяясь, но разделяет щедроты Своей благодати сообразно нашей пользе. А как? Послушай. Если Он устрашит грешника, упорно пребывающего во грехах, то приведет его к отчаянию и лишит надежды; а если похвалит праведника, то ослабит силу его добродетели и сделает то, что последний, как человек уже удостоившийся похвалы, будет нерадив к подвигам (добродетели). Поэтому-то Он грешника милует, а праведника устрашает. «Страшен, — говорит Писание, — над всеми окрестными Его» ([Пс. LXXXVIII:8](#)), и: «благ Господь всяческим» ([Пс. CXLIV:9](#)). «Страшен, — говорит, — над всеми окрестными Его». Кто же эти окрестные, как не святые? «Бог, — говорит Давид, — прославляем в совете святых, велий и страшен есть над всеми окрестными Его» ([Пс. LXXXVIII:8](#)). Если Он увидит падшего, простирает руку милосердия; если увидит стоящего, наводит (на него) страх, и поступает Он так по справедливости и правосудию, потому что праведника страхом Он подкрепляет, а грешника милосердием восставляет. Желаете знать, как благовременна бывает Его благодать, и как полезна и пригодна бывает нам Его строгость? (В таком случае) тщательно внимай (словам моим), чтобы это высокое рассуждение не ускользнуло от тебя. Жена грешница, погрязшая во всякого рода грехах и беззакониях, повинная в стольких грехах, одержимая бесчисленными

греховными делами, возжаждав спасения от покаяния, проникла на пир святых, — пиром же святых я называю (этот пир) потому, что здесь присутствовал Святой святых. Когда Спаситель возлежал в дому Симона фарисея, пришла эта грешная жена, коснулась ног Спасителя, омывала слезами ноги Его и отирала волосами. И Человеколюбец восставляет погребенную в бесчисленных грехах, говоря: «отпускаются греси ея» ([Лук. VII:47](#)). Я не намерен теперь исследовать всей этой истории, а (хочу) привести одно только свидетельство. Итак, смотри, какая щедрость! «Егоже (мира) ради глаголю ти: отпускаются греси ея мнози, яко возлюби много». Итак, грешная эта жена получила прощение стольких грехов, а Мария, сестра Моисея, за малый ропот, осуждается на проказу ([Числ. XII:10](#)). Грешникам Бог говорит: «аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю» ([Ис. I:18](#)); покаянием Он изменяет мрак в свет и словом благодати разрешает бесчисленные грехи; к ходящему же в правде говорит: «иже... аще речет брату своему: ...уроде, повинен есть геенне огненной» ([Матф. V:22](#)). За одно слово он определил такое наказание, а при множестве грехов обнаруживает великое снисхождение.

3. Заметь еще и вот что достойное удивления. Грехи наши считаются как бы долгами, и тогда как кающимся грешникам Бог прощает весь долг, от праведников требует напротив еще и лихвы. Приступил к Нему человек, который должен был много талантов, и так как он каясь и с усиленной просьбой молил о деле, и сказал: «Господи, потерпи на мне, и вся... воздам» ([Мф. XVIII:26](#)), то Человеколюбец не ждал уплаты, а вменил признание вместо уплаты долга. Должнику десяти тысяч талантов Он простил все решительно, тогда как от праведников, говорит Он, будет требовать еще лихвы: «почто не» дали «сребра моего купцем, и аз пришед с лихвою истязал бых» ([Лук. XIX:23](#)). Я говорю это не потому, что Бог будто бы враждебно относится к праведникам, — для Бога нет ничего вожделеннее праведника, — а потому, что, как я сказал раньше, грешника Он утешает, чтобы восставить, а праведника устрашает, чтобы утвердить (в правде); и первым прощает многочисленные грехи как врагам и надменным, в последних же строго примечает и маловажное, желая, чтобы не было никакого недостатка в их совершенстве. Что в этом мире богатый, то праведник у Бога, и что в мире бедный, то у Бога грешник. Ничего нет беднее грешника, и ничего нет богаче добродетельного. Поэтому-то о живущих в благочестии и правоте Павел говорит: «благодарю Бога... яко во всем обогатистесь о Нем во всяцем слове и всяцем разуме» ([1 Кор. I:4—5](#)), а о нечестивых блаженный Иеремия говорит: «негли убози суть, того ради не возмогоша» слышать слово Господне ([Иер. V:4](#)). Видишь, как убогими называет отторгнувшихся от благочестия? Итак, грешников, как убогих, Бог милует, от праведников же, как от богатых, взыскивает; первым снисходит ради убожества, а от последних, по богатству их благочестия, строго требует отчета. Как поступает Он с праведниками и грешниками, так точно поступает с богатыми и убогими. Подобно тому, как грешника Он восставляет милосердием, а праведника устрашает строгостью, так точно Он проявляет Свое попечение и в делах мира. Если Он видит блистающих достоинствами могущественных царей, князей, всех (словом) кто изобилует богатством, то говорит с ними, возбуждая страх, и с пользой присоединяет к власти страх. «И ныне, царие, разумеите: накажитесь вси судящии земли. Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему со трепетом» ([Пс. II:10—11](#)), потому что Он есть «Царь царствующих и Господь господствующих» ([1 Тим. VI:15](#)). Где начальство власти, там Он прилагает страх Своего царства, где смирение простоты, там приносит врачевство Своего милосердия, потому что Он великий Бог — Царь царствующих и Господь господствующих, и Он, снисходя с Своего достоинства, является по изображению Священного Писания и Отцом сирых, и Судиею вдовиц, будучи в то же время Царем царствующих, Князем княжащих и Господом господствующих. Видишь, сколь велико Его щедрое милосердие? Видишь, как полезен (тот) страх при благочестии и власти, (который внушает Он)? Там, где Он усмотрел, что довольно будет для утешения власти, приложил с

пользую страх; а где усмотрел угнетенное приниженностью сиротство и обнищавшее в изнеможении вдовство, там дал в утешение милосердие. Я отец сирых ([Пс. LXVII:6](#)). Бог поступает двояко: являет Свое милосердие и наказывает могущество. Он называет Себя Отцом сирых, желая утешить несчастных и в то же время устрашить людей сильных, чтобы они не обижали сирот и вдовиц. Так как смерть похитила у них: у одного — отца, у другой — мужа, то закон божественной любви восстанавливает тех, кого поразила закон природы, и та же самая благодать в лице Царя святых вдове дает судию, а сироте отца. Итак, если ты, нечестивец, притесняешь вдовиц, то раздражаешь Пекущегося о них, если обижаешь сирот, обижаешь сынов Божиих. Я, говорит, Отец сирых и Судия вдовиц ([Пс. LXVII:6](#)). Кто же так дерзок в своем нечестии, чтобы обижать сынов Божиих и оскорблять вдовиц, о которых заботится Бог? Видишь, как мудро уготовляет Он врачевство благочестия; (видишь, как Он), не изменяясь Сам, а приспособляясь к нуждам человеческим, одним внушает страх, а другим являет милосердие? Итак, воспользуемся спасительным врачевством покаяния, или лучше — получим от Бога врачующее нас покаяние, потому что не мы Ему приносим его, а Он нам даровал его. Видишь строгость Его в законе? Видишь милосердие Его в благодати? Когда я говорю о строгости в законе, то не порицаю суда, а прославляю милосердие евангельской благодати, потому что закон неумолимо наказывал согрешающих, а благодать с великим долготерпением отлагает казнь, чтобы привести (согрешающего) к исправлению. Итак, братия, примем спасительное врачевство покаяния, примем врачевство, очищающее наши грехи. Но истинное покаяние не то, которое произносится лишь на словах, а то, которое утверждается делами и, исходя из самого сердца, истребляет скверну нечестия. «Измыйтесь, — сказано, — и чисти будите, отимите лукавства от сердец ваших пред очима моима» ([Ис. I:16](#)). Что значит это излишество слов в выражении? Не достаточно ли было сказать: «отымите лукавства от сердец ваших», чтобы показать все? Почему же прибавлено: «пред очима моима»? Потому, что иначе видят глаза людские, и иначе видит око Божие. «Человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце» ([1 Цар. XVI:7](#)). Не по виду лишь притворяйтесь кающимися, а покажите плоды покаяния «пред очима моима», которые испытывают тайники сердца.

4. Но и очистившись от грехов, мы должны иметь эти самые грехи пред своими глазами. И если Бог по Своему милосердию простит тебе грех, ты имей его пред глазами ради безопасности своей души, потому что память о прежних грехах предохраняет от будущих, и кто сокрушается о прежних, тот остерегается от их повторения. Потому-то и Давид говорит: «и грех мой предо мною есть выну» ([Пс. L:5](#)), чтобы, имея пред глазами прежние грехи, не впасть в будущие. А что Бог требует от нас такого памятования, послушай, как Сам Он говорит: «Аз есмь заглаждай» грехи «твоя», и не «помяну. Ты же помяни, и да судимся», говорит Господь; «глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» ([Ис. XLIII:25—26](#)). Бог не требует для покаяния продолжительного срока: сказал твой грех — и ты оправдан, покался — и помилован; не время оправдывает, а усердие кающегося уничтожает грех. Может случиться, что и трудившийся много времени не достигнет спасения, и в короткое время искренно покаявшийся освободиться от греха. Блаженный Самуил употребил много времени на молитву о Сауле и много ночей провел без сна, (молясь) о спасении согрешившего, но Бог, не взирая на время, потому что с молитвой пророка не соединилось покаяние согрешившего, говорит Своему пророку: «доколе ты плачешь о Сауле; аз же уничижих его» ([1 Цар. XVI:1](#)). Слово: «доколе» означает продолжительность (молитвы) и настойчивость молившегося. И Бог пренебрег продолжительностью молитвы пророка, потому что с ходатайством праведника не соединилось покаяние царя. Напротив, блаженному Давиду, который, получив от святого пророка Нафана обличение греха, тотчас же вслед за угрозой обнаружил искреннее обращение и сказал: «согреших ко Господу» ([2 Цар. XII:13](#)), — одно это слово, в одно мгновение произнесенное от

чистого сердца, тотчас же лишь только он покаялся, принесло всецелое спасение, потому что за этим словом последовало немедленное исправление. Поэтому Нафан говорит ему: «и Господь отя согрешение твое» ([2 Цар. XII: 13](#)).

Смотри же, как Бог медлителен на наказание и скор на спасение. И подумай прежде всего, сколько времени милосердый (Бог) отлагал обличение. Давид согрешил; жена понесла во чреве, и никакого обличения в грехе не последовало; целитель греха посылается после того, как родился уже зачатый от греха младенец. Почему же Бог не тотчас же привел к исправлению согрешившего? Потому что знал Он, что в увлечении грехом душа грешников слепотствует, что уши погруженных в глубь греха глухи; поэтому Он и медлит оказанием помощи душе, в которой пылает страсть, и спустя так много времени дает обличение, — и в одно мгновение совершается и покаяние и прощение. «И Господь отя согрешение твое». О, домостроительство Божие, приводящее ко спасению угрозой! Видишь, как скор Бог на спасение? Точно также поступает Он и с другими людьми, медля на погибель и ускоряя на спасение. У нас, у людей, — употреблю такое сравнение, — здания строятся много времени, и простой дом мы строим не мало времени; чтобы построить, требуется, таким образом, много времени, а чтобы разрушить — не много. А у Бога — наоборот. Когда Он устраивает, то строит скоро, а когда разрушает, то разрушает медленно. Скор Бог на устройство, медлен на разрушение, потому что Богу пристойно и то и другое; в первом обнаруживается Его могущество, во втором — благость; по избытку могущества Он скор, по великой благости — медлен. Слова наши подтверждаются самым делом. В шесть дней Бог сотворил небо и землю, великие горы, равнины, скалы, долины, леса, травы, источники, реки, рай, все (словом) разнообразие, поражающее глаза наши — это великое и широкое море, острова, приморские и внутренние страны; весь этот видимый мир, со всей его красотой, Бог сотворил в шесть дней; и наполняющие этот мир разумные и неразумные существа и весь видимый нами распорядок Он созидает в шесть дней. И этот Бог, столь скорый в создания (вселенной), по Своей благости оказался медлителен, когда захотел погубить один город. Он хочет разрушить Иерихон и говорит Израилю: обходите его семь дней, и в седьмой день падет стена ([Нав. VI:3—4](#)). Ты созидаете весь мир в шесть дней, и один ли город разрушаете в семь дней? Что же препятствует Твоему могуществу? Почему не вдруг разрушаете его? Не о Тебе ли восклицает пророк: «аще отверзеши небо, трепет примут от Тебе горы, и растают, яко воск от лица огня» ([Ис. LXIV:1—2](#))? Не поведавая ли о делах Твоей силы, говорит Давид: «не убоимся, вегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская» ([Пс. XLV:3](#))? Ты можешь переставлять горы, ввергать их в море, а не хочешь (зараз) разрушить одного непокорного города и назначаешь семь дней на его разорение. Почему? Не потому, говорит, что могущество бессильно, а (потому, что) милосердие долготерпеливо. Дарую семь дней, как три дня Ниневию; может статься, что город примет проповедь покаяния и спасется. Но кто будет проповедовать им покаяние? Враги облегли город, вождь окружал стены; велик страх (в городе), велико смятение! Какой же путь покаяния открыл Ты им? Послал ли Ты пророка? Прислал ли благовестника? Был ли кто-нибудь у них, кто внушил бы им полезное? Да, говорит, у них был такой учитель покаяния — та дивная Раав, которую спас Я покаянием. Она была из одного и того же рода; но так как она не была одинаковых с ними мыслей, то, не приобщившись их неверию, она не приобщилась и греху их.

5. И посмотри, какая необычная проповедь милосердия! Тот, который говорит в законе: «не прелюбы сотвори», не соблюди ([Исх. XX:14](#)), переменяя слово (закона) по милосердию, восклицает чрез блаженного Иисуса: Раав блудница да будет жива ([Нав. VI:16](#)). Этот Иисус, сын Навинов, говорящий: блудница да будет жива, был прообразом Господа Иисуса, Который говорит: «любодейцы и мытари» предвелят «вас в царствии» небесном ([Мф. XXI:31](#)). Но если ей надлежит жить, то зачем она блудница? А если блудница, то для чего «да будет жива»? Я,

говорит, указывая на прежнее ее состояние, чтобы ты подивился происшедшей затем перемене. Что же такого, скажешь, сделала Раав, что принесло ей спасение? То ли, что приняла она с миром соглядатаев? Так поступает и (всякая) содержательница гостиницы. Не речами одними только приобретает она спасение, а предшествовавшей им верою и любовью к Богу. И чтобы тебе знать высоту ее веры, послушай, как само Писание повествует и свидетельствует о совершенных ею добрых делах. Она жила в непотребном доме, как драгоценный камень, валяющийся в грязи, как золото, затонувшее в тине, как цвет благочестия, заглушенный тернием; благочестивая душа была заключена в злочестивом месте. Обратите тщательное внимание на слова мои. Она приняла соглядатаев; и от Кого отрекся Израиль в пустыне, Того Раав проповедала в непотребном доме. Для чего упоминаю я об Израиле в пустыне? Когда гора исполнена была облаком, мраком, шумом труб, молниєю и другими страшными явлениями, то из среды огня Израиль услышал от Бога: «слыши Израиль: Господь Бог» твой, «Господь един есть» ([Втор. VI:4](#)), «да не будут тебе бози инии» ([Исх. XX:3](#)). Я «на небеси горе и на земли долу, и несть», Бог «разве» Меня ([Втор. IV:39](#)). Израиль после того, как выслушал это, слил тельца и отверг Бога; он забыл Владыку, отвергнул Благодетеля и говорит Аарону: «сотвори нам боги» ([Исх. XXXII:1](#)). Если «боги», то почему «сотвори»? Как могут быть богами, если их можно сотворить? Так-то слепая страсть воюет сама с собою и сама себя губит. Один вылит телец, а неблагодарный Израиль восклицает: «сии бози твои, Израиль, иже изведоша тебя из земли Египетския» ([Исх. XXXII:4](#)). «Сии бози»; одного только видят тельца, один созданный кумир, почему же (говорят) «сии бози»? Этим народ хотел показать, что он поклоняется не тому только, что было пред его взорами, а воображает себе и многобожие, высказывает свою мысль, а не просто рассуждает о лежащем пред глазами. Но возвратимся к нашему предмету. Что слышал Израиль, ограждаемый столь многими чудесами, руководимый наставлениями закона, и от чего отвергся, то прославляет Раав, заключенная в непотребном доме. Она говорит соглядатаям: мы узнали, что сотворил Бог ваш египтянам. Иудей говорит: «сии бози твои.., иже изведоша ты из земли Египетския», а блудница приписывает спасение не богам, а Богу: мы узнали, говорит она, что сотворил Бог ваш египтянам в пустыне, услышали, и истаяло сердце наше и нет в нас силы ([Нав. II:9, 11](#)). Узнали, что сотворил Бог ваш. Видишь, как она верою воспринимает слово Законодателя? Знаю, говорит она, «яко ...Бог ваш, ...на небеси горе и на земли доле» и кроме Его нет Бога ([Нав. II:11](#)).

Раав прообразовала церковь, некогда оскверненную демонским блудодеянием, а ныне принявшую соглядатаев Христа — апостолов, посланных не Иисусом Навином, но Иисусом — истинным Спасителем. «Вем, — говорит, — яко ...Бог ваш, ...на небеси горе и на земли доле» ([Нав. II:9, 11](#)) и кроме Его нет Бога. Это (учение) приняли иудеи, и не сохранили; это (учение) слышала церковь, и верно соблюла. Итак, всякой похвалы достойна Раав, прообразовавшая собою церковь. Потому-то и доблестный Павел, уразумев достоинство ее веры и смотря на нее не как на отверженную по причине прежнего состояния ее, а как на угодную Богу по ее благочестивому обращению, сопричисляет ее ко всем святым, и сказав: «верою Авель принесе ...жертву» ([Евр. XI:4](#)), верою Авраам сделал то-то и то-то, «верою... Ное ...сотвори ковчег» ([Евр. XI:7](#)), верою Моисей сделал и совершил такие-то и такие-то дела и, упомянув по порядку многих святых, наконец присовокупил: «верою Раав блудница не погибе с сопротивльшимися, приимши соглядатели, ...и иным путем изведши» ([Евр. XI:31](#)). И посмотри, с какою великою мудростью соединяет она свои добрые чувства. Когда посланные царем сыскать соглядатаев говорят ей: «не вошли ли к тебе мужи?» — она отвечает им: «да, вошли». Сначала она утверждает истину, чтобы присоединить затем ложь, потому что сама по себе одна ложь никогда не заслужит доверия, если не оградит себя наперед истиной. Поэтому-то те, кто желает солгать убедительно, сначала говорят правду, и то, что известно всем, а затем присоединяют

уже ложное и сомнительное. «Вошли к тебе соглядатели?» «Да», — говорит она. Если бы она сначала сказала «нет», то подала бы посланным повод к розыску. Но она говорит: вошли и вышли таким-то путем; «пожените и ...постигнете их» ([Нав. II:5](#)). О, прекрасная ложь! О, прекрасный обман, не предающий (на поругание) божественного, но сохраняющий благочестие! Итак, если Раав покаянием удостоилась такого спасения, если она прославляется устами святых, устами Иисуса Навина, возглашающего в пустыне: да жива будет Раав блудница, равно как и Павла, который говорит: «верую Раав блудница не погибе с сопротивльшимися», то не тем ли больше получим спасение мы, если принесем покаяние? Настоящая жизнь есть время покаяния; обременяющие нас грехи грозят нам великой опасностью, если покаяние не предотвратит наказания. «Предварим лице Его во исповедании» ([Пс. XCIV:2](#)), угасим пожар греховный, не избыточно водою, а малыми слезами. Велик огонь греха, но угасает от немногих слез, потому что слеза гасит пожар греховный и омывает зловоние греха. Об этом свидетельствует блаженный Давид, когда он, указывая, как сильна слеза, говорит: «измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу» ([Пс. VI:7](#)). Если бы он хотел означить только обилие слез, то достаточно было бы сказать: «слезами моими постелю мою омочу»; для чего же он наперед сказал: «измыю»? Для того, чтобы показать, что слезы омывают и очищают от грехов.

6. Грехи служат причиной всех несчастий; за грехи насылаются печали, за грехи беспокойства, за грехи войны, за грехи болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются. Подобно тому, как искусные врачи не довольствуются исследованием видимых (признаков) болезней, а разыскивают причину видимых (ими болезней), так и Спаситель, желая показать, что грех служит причиной всех человеческих бедствий, обращаясь к расслабленному телом, — так как Целитель душ знал, что последний сначала расслабел душой, а затем уже и телом, — говорит ему: «се здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет» ([Иоан. V:14](#)); следовательно, причиной и предшествующей болезни был грех. Он служит причиной наказания, он причина печали, он бывает источником и всякого несчастья. Впрочем я дивлюсь тому, как Бог, определивший вначале человеку печаль (в наказание) за грех, нарушает (новым) определением (бывшее раньше) определение и уничтожает (новым) осуждением (прежде бывшее) осуждение. А как, — послушай. За грех дана была печаль, и печалью разрушается грех. Тщательно внимай словам моим. Бог, угрожая жене и налагая наказание за преступление, говорит ей: «в болезнях родиши чада» ([Быт. III:16](#)), и этими словами показал, что болезнь — плод греха. Но, о, Великощедрый! То самое, что дал в наказание, обратил (в средство) к спасению. Грех породил печаль, печаль истребила грех. Как червь, рождаясь из дерева, губит самое дерево, так и печаль, рожденная грехом, истребляет грех, когда сопровождается покаянием. Поэтому Павел и говорит: «печаль..., яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделоваает» ([2 Кор. VII:10](#)). Прекрасна печаль в душах искренно кающихся; приличен грешникам плач о грехах: «блажени плачущии: яко тии утешатся» ([Мф. V:4](#)); восплачь о грехе, чтобы тебе не восплакать о наказании; оправдись пред Судиею прежде, чем предстанешь пред судилищем. Или ты не знаешь, что все, желающие смягчить судию, умоляют его не при самом разбирательстве дела, а умоляют еще до прихода на суд или чрез друзей, или чрез покровителей, или каким-нибудь иным способом? То же следует сказать и относительно Бога: во время суда нельзя уже склонить Судию, до наступления же суда можно умолить Его. Потому-то и говорит Давид: «предварим лице Его во исповедании» ([Пс. XCIV:2](#)). Там Великого Судию уже не прельстит ораторское искусство, не поколеблет могущество; Он ни на достоинства не взирает, ни лица на стыдится, ни деньгами не подкупается, но страшно и неумолимо Его правосудие.

Итак, будем здесь смягчать и молить Судию; здесь станем преклонять Его всеми силами, но не деньгами; Впрочем, если нужно сказать правду, Человеколюбец преклоняется и деньгами, которые принимает Он не Сам, а чрез бедных. Дай нуждающемуся денег — и ты умолил Судию.

Говорю это, заботясь о вас, как близких друзьях, потому что покаяние без милостины мертво и лишено крыльев; не может окрылиться покаяние, не имея крыла милостины. Вот почему для Корнилия, чистосердечно покаявшегося, милостыня сделалась крылом благочестия: «милостины твоя, — говорится в Писании, — и молитвы твоя... взыдоша» на небо ([Деян. X:4](#)), потому что, если бы покаяние его не имело крыла милостины, то не взошло бы на небо. Теперь (и нам) отверзлось торжище милостины: мы видим пленников и нищих, видим бродящих на площади, видим вопиющих, видим плачущих, видим стонущих; дивное торжище предлежит нам; цель же всякого торжища и забота всякого купца состоят не в ином чем, как в том, чтобы за малую цену купить, что продается, а продать за большую. Не в этом ли цель всякого купца? Не с тем ли намерением начинают заниматься торговлей, чтобы за дорогую цену продать дешево купленное, и таким образом получить во много раз большие барыши? Такое-то торжище предложил нам и Бог; приобрети оправдание не дорогою ценою, чтобы за дорогую продать его впоследствии, если только воздаяние можно назвать перепродажей. Здесь оправдание покупается недорогою ценою: ничего не стоящим куском хлеба, дешевой одеждой, чашей холодной воды: «иже... напоит... чашею студены воды, ...аминь глаголю вам, — говорит Учитель духовной купли, — не погубит мзды своея» ([Мф. X:42](#)). За чашу студеной воды есть награда, а за одежды и деньги, подаваемые с целью благодеяния, не будет награды? Наоборот, даже великая награда. Итак, для чего упомянул Он о чаше студеной воды? Он хотел этим указать на милостыню, не требующую никаких издержек. На студеную воду ты не тратишь ни дров, не иждиваешь и ничего другого. Если же так высоко ценится милость благодеяния там, где подаяние чуждо издержек, то какого воздаяния следует ожидать от праведного Судии в том случае, когда снабжают (бедных) одеждой, раздают деньги и обильно наделяют прочими благами? Итак, доколе будут лежать пред нами добродетели, которые можно приобрести недорогою ценою, возьмем их, восхитим, купим у Великощедрого. «Жаждающие, — говорит Писание, — идите на воду, и елицы не имате сребра, шедше купите» ([Ис. LV:1](#)). Доколе предлежит торг, купим милостыню, лучше же сказать — милостынею купим спасение. Ты одеваешь Христа, когда одеваешь нищего. Это, скажешь, я знаю прекрасно и твердо; это я и раньше знал, не ты первый учишь, не от тебя от первого слышу это; не необычное ты проповедуешь, а чему часто учили нас многие из присутствующих. Знаю и сам я, знаю, что вас часто наставляли в этих и подобных истинах: но, о если бы мы, часто обучаясь им, хотя немного сделали хорошего! «Милуяй нища взаим дает Богови» ([Притч. XIX:17](#)). Дадим займы Богу милостыню, чтобы воспринять от Него милосердное воздаяние. О, сколь мудро это изречение: «милуяй нища взаим дает Богови»! Почему не сказано: «милуяй нища» дает Богу, а: «взаим дает»? Знало Писание наше корыстолюбие, заметило, что алчность наша, питаемая любостыжанием, ищет излишества; для того и сказала оно не просто: «милуяй нищаго» дает Богу, дабы ты не подумал, что дело идет о простом возмездии, но сказано: «милуяй нища взаим дает Богови». Если Бог берет у нас займы, то Он уже наш должник. Итак, каким же хочешь ты иметь Его — судиею, или должником? Должник чтит дающего займы, судья же не щадит получающего займы.

7. Необходимо рассмотреть еще и другую причину, почему Бог сказал, что подающий бедняку дает займы Мне. Так как Он знал, что наше любостыжание стремится к прибытку, как я сказал раньше, и что имеющий деньги ни в каком случае не захочет дать в займы без ручательства, потому что заимодавец требует или залога, или обеспечения, или поручителя, и под этими тремя ручательствами вверяет свои деньги, т. е. когда, как выше сказано, или возьмет поручительство, или залог, или обеспечение; так как знал Бог, что без таких ручательств никто не дает займы, что всякий руководится не человеколюбием, а взирает на одну только прибыль, между тем бедняк лишен подобного рода ручательств, потому что не имеет ни залога, — ибо

ничем не владеет, — ни обеспечения, — ибо наг, — ни поручителя, — ибо по бедности ему не доверяют; так как знал Бог, что бедняк подвергается опасности по своей бедности, а имеющий деньги подвергается опасности за свое жестокосердие, то сделал Себя посредником (между тем и другим), для бедняка стал поручителем, а для заимодавца залогом. Не веришь ты, говорит Он, бедняку ради его скудости, поверь Мне ради Моего богатства. Увидел бедного — и оказал сожаление, увидел бедного — и не презрел, но Себя Самого дал порукою за неимущего и по Своей великой благодати пришел на помощь нуждающемуся, о каковом Его милосердии свидетельствует блаженный Давид, говоря: «яко преста одесную убогаго» ([Пс. CVIII:31](#)). «Милуяй нища взаим дает Богови» ([Притч. XIX:17](#)). Будь, говорит, благонадежен: Мне займы даешь. Что же такое приобрету я, если даю Тебе займы? Поистине, преступнейшее дело — требовать отчета от Бога. Впрочем, снисходя твоему беззаконию и желая милосердием победить твою жестокость, исследуем и это. Какую пользу получаешь ты, когда даешь займы другим? Какого прироста ищешь ты от них? Не на сто ли ищешь один, если ищешь законной лихвы; а если обогащаешься, увлекаясь своей алчностью, то соберешь двойной или тройной неправедный плод. Но я награждаю большим твою страсть к любостыжанию; иду дальше твоих ненасытимых желаний; богатством моим покрываю твои безмерные стремления. Ты ищешь в сто раз меньшего, а Я даю тебе в сто раз большее. Итак, Ты заимствуешь, Господи, Ты берешь здесь от меня займы милостыню, подаваемую нищему, чтобы некогда мне воздать ее? Тогда я ищу договора и желаю утвердить взаимные условия; объяви мне время уплаты, назначь определенный срок, когда я получу обратно долг. Совершенно излишни такие условия. «Верен Господь во всех словесех своих» ([Пс. CXLIV:13](#)). Но так как честный должник обыкновенно определяет срок и назначает день (уплаты), то послушай, когда и где воздаст тебе долг Тот, Кто взял у тебя займы чрез нищего. Когда «сядет... Сын Человеческий на престол славы Своя, и поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. и ...речет сущим одесную Его» (здесь обрати внимание, как честно поступает должник по отношению к заимодавцу, с какою великою благодарностью воздаст взявший займы): «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». За что? За то, что «взалкахся..., и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; наг» был, «и одеясте Мя; в темнице..., и приидосте ко Мне; болен» был, «и посетисте Мене; странен бех, и введосте Мене» ([Матф. XXV:31, 33—36](#)). Тогда хорошо послужившие в этой жизни, взирая на собственную немощь и на достоинство взявшего займы, говорят: «Господи, когда Тя видехом алчуща, и напитахом? или жаждуща, и напоихом?» ([Матф. XXV:37](#)) Тебя, на Которого «очи всех... уповают, и Ты даеши им пищу» в изобилии ([Пс. CXLIV:15](#))? О, великая благодать! Он скрывает Свое величие ради милосердия. «Взалкахся бо, и дасте Ми ясти». О, великая благодать! О, безмерная милость! «Даяй пищу всякой плоти» ([Пс. CXXXV:25](#)), отверзающий руки Свои и исполняющий «всякое животно благоволения» ([Пс. CXLIV:16](#)), алкал, говорит, и «дасте Ми ясти», не по унижению Своего достоинства, а по человеколюбию Своему, ставшему порукой за бедных. «Возжадахся, и напоисте Мя». Кто говорит это? Тот, Кто вливает водное естество в озера, реки и источники, Тот, Кто говорит в Евангелии: «веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы» ([Иоан. VII:38](#)), Тот, Кто сказал: «аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет» ([Иоан. VII:37](#)). Но говорит еще: «наг был, и одеясте Мя». Мы одели Того, Кто одевает небо облаками, Кто облакает всю церковь и вселенную. «Елицы бо, — говорится в Писании, — во Христа крестистесе, во Христа облекостесе» ([Гал. III:27](#)). «В темнице» был. Ты ли в темнице, изводящий «окованныя» ([Пс. LXVII:7](#))? Изъясни, что говоришь, потому что величие отрицает говоримое Тобою. Когда видели мы Тебя в такой нужде? Когда сделали это? «Понеже, — отвечает Он, — единому сих ...меньших сотвористе, Мне сотвористе» ([Мф. 25:40](#)). Не истинно ли изречение: «милуяй нища взаим дает Богови»? И вот что, заметь, удивительно: ни о какой другой добродетели не

упоминает Он, кроме дел милостыни, хотя и мог сказать: «приидите благословеннии», потому что вы целомудренно жили, потому что сохранили девство, избрали евангельское житие, но умалчивает об этом, не потому, чтобы недостойно было упоминания, а потому, что эти добродетели ниже милосердия. Но как этим, стоящим одесную, Он назначил царство, дарованное за милосердие, так, наоборот, стоящим с левой стороны грозно изрек наказание за непринесение плода (милостыни). «Идите ...проклятии» в мрак кромешный, «уготованный диаволу и аггелом его» ([Мф. 25:41](#)). Почему? За что? За то, что алкал, «и не дасте Ми ясти» ([Мф. 25:42](#)). Не сказал: «за то, что блудодействовали, прелюбодействовали, за то, что воровали, лжесвидетельствовали, за то, что нарушили клятву»; нет сомнения, и это — пороки, но более простительные, чем бесчеловечие и немилосердие. Почему, Господи, не упоминаешь Ты о других грехах? Не сужу, говорит, грех, но жестокость; не сужу согрешивших, но непокаявшихся. За жестокосердие осуждаю вас, за то, что, имея такое великое и сильное врачевство к спасению — милостыню, которою заглаждаются все грехи, вы презрели такое благодеяние. Итак я поношу жестокосердие, как корень зла и всякого нечестия; хвалю (напротив) милосердие, как корень всех благ, — и одним угрожаю огнем вечным, а другим обещаю царство небесное. Хороши, Владыка, и обетования Твои, прекрасно и Твое ожидаемое царство, равно полезна и геенна, которою Ты угрожаешь; одно — потому что поощряет нас, другая — потому что устрашает. Прекрасно поощряет царство, а геенна к пользе устрашает, потому что Бог грозит геенной не потому, чтобы желал ввергнуть в геенну, а чтобы избавить нас от геенны: если бы Он хотел наказать, то не грозил бы наперед, чтобы мы не предостереглись и не избежали угрозы. Бог угрожает мщением, чтобы мы избежали действительного мщения; устрашает словом, чтобы не наказать самым делом. Итак, дадим Богу займы милосердие. Дадим займы, чтобы, как я сказал раньше, обрести Его должником, а не судьей, потому что должник стыдится заимодавца, стыдится — и оказывает ему почтение. Если заимодавец придет к дверям должника, то последний убегает, если не имеет средств (к уплате), а если имеет, смело принимает его. Обрати внимание еще и на нечто другое, что заставляет удивляться Праведному Судии, если сравнить это с образом поведения людей. Если ты дашь займы какому-нибудь бедняку, а должник впоследствии разбогатеет и окажется наконец в силах уплатить долг, тогда он отдает его, таясь от людей, чтобы не испытывать стыда за прежнее свое состояние, и выражает (заимодавцу) благодарность, а благодеяние его скрывает, стыдясь прежней нужды. Бог же поступает не так: Он тайно берет займы, а возвращает долг явно, потому что когда Он получает заем, то получает его чрез тайную милостыню, а когда отдает, то отдает пред взорами всей твари. Но, может быть, кто-нибудь скажет: почему же Бог точно так же, как Он даровал мне — богатому, не дал и бедному? Конечно, Он мог дать одинаково и тебе, и убогому; но не пожелал Он, чтобы и твое богатство было бесплодно, и его бедность оставалась без награды. Тебе — богатому Он повелел богатеть милостыней и расточать в правде, ибо «расточи», сказано, «даде убогим: правда Его пребывает во век» ([Пс. CXI:9](#)). Видишь, что богатый посредством милостыни собирает себе правду вечную? Рассуди опять и о бедном: у него нет богатства, которым он мог бы заслужить правду; но зато у него есть бедность, которою он приобретает терпение вечное, ибо «терпение убогих не погибнет» во век ([Пс. IX:19](#)) о Христе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

1. Хотя вчера я отлучился от вас, но не по своей воле, а по необходимости; отлучился от вас телом, но не сердцем, отлучился плотью, но не мыслью, потому что я, насколько было сил моих, обнимал всех вас и носил в своей памяти. И вот опять, братия, лишь только временная эта болезнь оставила меня, я как можно скорее поспешил увидеть лицо ваше, и с остатками еще недуга побежал к вашей любви. Больные, излечившись от недуга, спешат в купальни и бани, а я счел достойным посмотреть вожделенные лица ваши и удовлетворить, по долгу моему, вашему желанию слушать меня, — пожелал увидеть это великое море, в котором нет соли, море, не вздымаемое волнами; пришел я посмотреть вашу очищенную ниву. Где, в самом деле, такая пристань, как церковь? Где такой рай, как наше собрание? Нет здесь змея — наветника, но Христос, открывающий тайны. Нет Евы, виновницы падения, но церковь — восстановительница падшего. Нет здесь листов древесных, но плод духовный. Нет здесь ограды терновой, но лоза плодовая. А если я найду здесь терновник, то превращу его в маслину, потому что то, что бывает здесь, зависит не от недостатка природы, а от свободного произволения. Если же увижу я волка, сделаю его овцою, не чрез изменение самой природы, а переменой его воли.

Поэтому не погрешил бы тот, кто назвал бы церковь лучшею ковчега, потому что ковчег принимал животных и сохранял их такими же животными, а церковь принимает животных и пременяет их. Например, вошел туда ястреб — и вышел он (оттуда) ястребом, вошел волк — волком и вышел; а здесь кто входит ястребом, выходит голубем, входит волк — выходит овца; входит змея, и выходит ягненок, не потому, что переменяется природа, а оттого, что зло изгоняется. Вот почему я не перестаю говорить вам о покаянии, потому что покаяние, тягостное и страшное для грешника, есть врачевство грехов, средство, истребляющее беззаконие, иждивение слез, дерзновение к Богу, оружие на дьявола, меч, отсекающий его голову, надежда на спасение, устранение отчаяния; оно отверзает человеку небо, оно возводит его в рай, оно побеждает дьявола. Вот почему не перестаю беседовать о покаянии, вселяющем в нас смелую надежду на победу (над врагом). Ты грешник? Не отчаивайся; не перестану укреплять вас этими лекарствами, потому что знаю я, каково это оружие против дьявола — не предаваться нам отчаянию. Если у тебя есть грехи, не отчаивайся, — не перестану постоянно повторять это, — и если каждый день согрешаешь, каждый день кайся. Подобно тому как в обветшавших домах, когда они сгниют, мы удаляем сгнившие части и заменяем новыми, и никогда не покидаем подобных забот, так точно и ты: обветшал сегодня от греха? Обнови себя покаянием. Можно ли, скажешь, спастись покаившемуся? Вполне возможно. Хотя бы я всю жизнь провел в грехах, но если покаюсь, спасусь? Конечно. Чем это может быть доказано? Милосердием твоего Владыки. Разве я надеюсь на твое покаяние? Разве твое покаяние может в самом деле очистить такие скверны? Если бы одно только покаяние было, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, а для божественного милосердия меры нет и нельзя изречь словом Его благи, — твоя злоба имеет меру, а у врачевства нет меры; твоя злоба, какова бы ни была, есть злоба человеческая, а человеколюбие Божие неизреченно, — то надейся, что оно преодолет твою злобу. Подумай, может ли упавшая в море искра светиться? Как мала искра в отношении к морю, так ничтожен и грех в отношении к милосердию Божию, да и не так, а в гораздо сильнейшей степени, потому что море, как бы оно велико ни было, все же имеет пределы, а Божие милосердие безгранично.

Говорю это не с тою целью, чтобы сделать вас нерадивыми, но чтобы внушить вам больше ревности. Часто убеждал я не ходить в театр. Ты слышал, но не повиновался, ходил в театр, не послушал моего слова; не стыдись опять придти (сюда) и слушать. Слышал, скажешь ты, и не

исполнил: как могу придти (сюда) опять? Но ты по крайней мере уж сознаешь, что не исполнил; ты уже стыдишься; тебе совестно; ты без всякого обличителя налагаешь уже на себя узду; слово мое уже вкоренилось в тебе, поучение мое исправляет тебя даже без моего присутствия. Ты не соблюл (сказанного), но ты осудил себя и тем наполовину уже соблюл; хоть ты и не соблюл, однако признался (по крайней мере), что не соблюл. Кто осуждает сам себя за неисполнение, тот стремится уже к выполнению. Ты был на зрелище? Совершил преступление? Стал пленником блудницы? Но вышедши из театра, ты опять опаматовался и почувствовал стыд? Приди. Ты опечалился? Помолись Богу: ты не далек уже от исправления. Горе мне, скажешь, — слышал я, и не исполнил: как войду в церковь? Как стану опять слушать? Но тогда-то, напротив, и войди сюда, когда не соблюл, чтобы опять выслушать и исполнить. Если врач приложит тебе пластырь, но не вылечит тебя, то не прикладывает ли его опять на другой день? Когда дровосек, желая срубить дуб, берет топор, рубит корень, то если с одного удара не упадет бесплодное дерево, не наносит ли он второго удара, четвертого, пятого, десятого? Так и ты делай. Блудница тот же дуб, бесплодное дерево, произрастающее желуди — пищу бессловесных свиней; она издавна укоренилась в сердце твоём, в деревянной ограде заключила твою совесть. Слово мое тот же топор. Ты слушал его один день; как же в один день упадет то, что вкоренилось издавна? Если и дважды услышишь, если и трижды, если и сто, и тысячу раз, не будет удивительно; только вырви застарелый порок, дурную привычку. Манну вкушали иудеи и требовали египетского луку, говоря: хорошо было нам в Египте. Так гнусна и зловредна привычка. И хотя бы ты десять дней пожил добродетельно; хотя бы сто, триста дней, я не буду еще доволен, и стану благодарить и обнимать тебя; я хочу только одного, — чтобы ты не ослабевал, а стыдился бы и осуждал себя.

2. Опять, беседовал я о любви; ты выслушал, ушел и ограбил? Делами ты не оправдал наставления? Не стыдись вновь придти в церковь. Стыдись грешить, но не стыдись каяться. Смотри, что сделал тебе дьявол. О двух вещах следует рассудить: о грехе и покаянии. Грех есть рана, покаяние — врачевство. Что для тела раны и лекарства, то для души грехи и покаяние. Но грех сопровождается стыдом, а покаяние дает дерзновение. Обрати тщательное внимание, умоляю тебя, на слова мои, — чтобы тебе не смешивать предметов, и не лишиться пользы (от моего наставления). Язва и врачевство, грех и покаяние. Язва — грех; врачевство — покаяние. В язве — гной; в лекарстве — очищение гноя. Во грехе — гной, во грехе — поношение, во грехе — посмеяние; в покаянии — дерзновение, в покаянии — свобода, в покаянии — очищение грехов. Обрати тщательное внимание. За грехом следует стыд; покаяние сопровождается дерзновением. Уразумел, что говорю я? Сатана извратил естественный порядок: греху он дал дерзость, а покаянию — стыд. Не отстану до вечера (объяснять это), до тех пор пока не разрешу (того, о чем начал говорить). Я должен исполнить обещание и не могу отступить. Есть язва и лекарство. В язве гной; лекарство обладает силой очищать гной. В лекарстве ли гной? В язве ли целительна сила? Не имеют ли и то и другое своего собственного свойства. Может ли сообщиться первое последнему, или последнее первому? Ни в каком случае. Перейдем к душе, отягченной грехами. Грех имеет своим уделом поношение и бесчестие; покаяние сопровождается смелой надеждой, покаяние соединено с постом, покаяние дает оправдание. «Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» ([Ис. XLIII:26](#)). «Праведный себе самого оглагольник в первословии» ([Притч. XVIII:17](#)). Итак, сатана, зная, что за грехом следует стыд, который легко может отратить от него согрешающего, а покаяние сопровождается дерзновением, которое в силах привлечь кающегося, извратил естественный порядок, и стыд отдал покаянию, а дерзновение — греху. Каким же это образом? А вот как: пленяется кто-нибудь безумной страстью к всенародной блуднице; следует он за блудницей как пленник, входит в ее жилище, и не стыдясь, не краснея, отдается блуднице, совершает грех, и нет у него

ни стыда, ни стеснения. По окончании греха он выходит оттуда и стыдится покаяться. Несчастный! Когда отдавался блуднице, тогда тебе не было стыдно, а когда пришел каяться, тогда стыдишься? О чем он, скажи мне, стыдится теперь, если не стыдился, когда предавался блуду? Делает (постыдное) дело, и не стыдится, а слова стыдится? Злодейство дьявола это. В грехе он не допускает ему стыдиться, а всенародно дозволяет ему бесчестить себя, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; в покаянии (напротив) заставляет его стыдиться, зная, что стыдящийся не покается. Два зла учиняет он: вовлекает в грех и удерживает от покаяния. В чем же стыд, наконец? Когда предаешься блуду, — не стыдишься, а когда принимаешь врачевство, — стыдишься? Тебе стыдно, когда освобождаешься от греха? Тогда надлежало тебе стыдиться, тогда должен был чувствовать стыд, когда грешил. Когда был грешником, — не стыдился, когда же стал праведником, — стыдишься? «Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» ([Ис. XLIII:26](#)). О, милосердие Владыки! Не сказал, «чтобы не быть наказанным», но: «да оправдишися». Неужели для него не достаточно, что Ты не наказываешь его, а еще делаешь праведным? Подлинно так. Но обрати тщательное внимание на изречение. Праведником, говорит, сделаю его. Где же сделал это Бог? Когда Он спас разбойника за то лишь, что тот сказал другому: «ты ли ни боишия Бога, ...и мы убо в правду: достойная бо по делом наю восприемлева», Спаситель говорит ему: «днесь со Мною будеши в раи» ([Лук. XXIII:40—41, 43](#)). Не сказал: освобождаю тебя от наказания и муки, но вводит его оправданным в рай.

Видишь, как он чрез исповедание стал праведником? Многомилосерд Бог! Он Сына не пощадил, чтобы пощадить раба; предал Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов; кровь Сына Своего положил вместо цены. О, человеколюбие Владыки! И не повторяй мне опять: много согрешил я, — как я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой может, и так, что изгладит грехи. Тщательно внимай слову. Изглаждает Он так грехи, что не остается даже и следа их. На телах это невозможно: как бы много ни старался врач, сколько бы снадобий ни прикладывал к ране, — только рана скроется; и часто случается, что кто-нибудь получит удар по лицу и залечит рану, а шрам остается и безобразием лица указывает на бывшую рану. Врач старается всевозможными средствами уничтожить и шрам, но оказывается не в силах, потому что ему противится и слабость природы, и бессилие искусства, и ничтожество лекарств. Когда же Бог изглаждает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе с здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание и делает согрешившего равным несогрешившему. Он уничтожает грех, и обращает его ни во что, как будто его и не было; так Он истребляет его, (что не остается) ни шрама, ни следа, ни приметы, ни знака.

3. Но откуда видно это? Я должен представить и доказательство тому, о чем говорю, но не от собственных домыслов, а от Писаний дать подтверждение, чтобы свидетельство было вполне надежно. Приведу вам (в качестве доказательства) людей, покрытых ранами, целый народ, исполненный язвами, гноем, червями (до того, что он) весь — рана, весь — язва, и однако может так излечиться, что не останется ни шрама, ни следа, ни знака; приведу людей, которые имеют не одну рану, не две, не три, не четыре, а в ранах с ног до головы. Прилежно внимай словам моим, потому что всех касается это наше спасительное слово. Я приготовляю лекарства лучшие, чем (готовят) врачи, такие, каких не могут приготовить и цари. Что может царь? Выпустить может из темницы, но освободить от геенны не в силах; может дать денег, а души спасти не в состоянии. Я вручаю вас покровительству покаяния, чтобы вы узнали его могущество, чтобы узнали его силу, чтобы узнали, что грех не может победить его и что нет греха, который в силах был бы преодолеть его могущество. Приведу не одного, не двоих, не троих, а тысячи людей, покрытых струпами, язвами, зараженных бесчисленными грехами, которые так могли спастись

покаянием, что не осталось ни следа, ни знака прежних язв. Но усердно внимайте словам, да и не только внимайте, а и запоминайте то, что будет сказано, чтобы вы могли наставить и отсутствующих, и таким образом возжечь ревность тех, которые лишены пользы нынешнего слова. Итак, пусть предстанет Исаия, зревший серафимов, слышавший их таинственную песнь, и прорекший много о Христе. Спросим, что говорит он. «Видение, еже виде Исаиа... на Иудею и на Иерусалим» ([Ис. I:1](#)). Скажи видение, какое видел ты, скажи мне. «Слыши небо, и внуши, земле, яко Господь возглагола» ([Ис. I:2](#)). Иное ты обещаал, и иное говоришь. Что же иное обещаал я? Ты начинаешь словами: «Видение ...на Иудею и на Иерусалим», а потом, оставив Иудею и Иерусалим, беседуешь с небом и обращаешь слово к земле, оставив же и словесных людей, беседуешь с бессловесными стихиями? Это потому, что словесные стали неразумнее бессловесных. И не только поэтому, но подобно тому, как Моисей, намереваясь ввести иудеев в землю обетования и предвидя будущее, — что они пренебрегут дарованными им благами, — говорит: слыши небо, и да внушит «земля глаголы уст моих» ([Втор. XXXII:1](#)), засвидетельствую вам, иудеи, небом и землею, говорит Моисей, что если войдете в обетованную землю и оставите Господа Бога, то рассеяны будете по всем народам; так и Исаия, когда (при нем) угроза готова была исполниться на деле, не мог призвать в свидетели умершего уже Моисея и тех, кто слышал его и давно скончался, почему и призывает свидетелями те самые стихии, которыми засвидетельствовал Моисей. Вот вы отпали от обетования; вот вы оставили Бога: как поставлю в свидетели тебя, Моисей? Ты умер и скончался. Как призову Аарона? И он предался смерти. Не можешь поставить меня в свидетели? Призови стихии, потому что и я при своей жизни не засвидетельствовал ни самим Аароном, ни кем другим, потому именно, что они должны были скончаться, а пребывающими стихиями засвидетельствовал вам, — небом и землею. Итак, Исаия говорит: «слыши небо, и внуши, земле», Вас повелел призвать сегодня в свидетели Моисей. Но не поэтому только призывает он эти стихии, а и потому еще, что он говорил к иудеям. «Слыши небо», потому что ты одождило манну; «внуши земле», потому что ты дала перепелов. «Слыши небо», слышь, потому что ты одождило манну, ты явило сверхъестественное, — вверху было и гумну уподобилось. «Внуши земле», потому что ты была долу, и устроила трапезу без предуготовлений. Бездействовала природа, но действовала благодать. Не трудились волы, но произрастал колос; не было ни рук поварских, ни приказания, но манна, освященный источник, служило им вместо всего. Природа забыла о своей немощи. Как не изнашивались одежды их? Как не ветшала обувь их? Все готово было к их услугам. «Слыши небо, и внуши, земле». Не смотря на все удостоверения (Бож. покровительства) и явные благодеяния, Владыка терпит оскорбление. К кому обращаю слово, как не к вам? Человека не имею, который послушал бы (меня). Вот я пришел, и нет человека; говорил, и не было слушающего. С неразумными беседую, потому что разумные пали ниже неразумных. Поэтому и другой пророк, видя, как безумствует царь, как почитается кумир, а Бог предается бесчестию, и все одержимы страхом, говорит: послушай, алтарь, послушай меня. Ты говоришь с камнем? Да, потому что царь бесчувственнее камня. Послушай меня, алтарь, послушай: «сице глаголет Господь» ([3 Цар. XIII:2](#)), и тотчас же алтарь расселся ([3 Цар. XIII:5](#)). Камень послушал, камень распался и пролил жертву. Как же не услышал человек? Он простер руку свою, чтобы схватить пророка. Что же делает Бог? Он сделал сухой его руку. Примечай, что сотворил (Бог), заметь милосердие Владыки и грех раба. Почему с самого начала не иссушил Он его руки? Потому, что хотел вразумить его разрушением камня. Если бы не разрушился камень, пощадил бы я тебя; но так как камень развалился, а ты не исправился, то навожу на тебя гнев мой. Простер (царь) руку свою, чтобы схватить пророка, и высохла рука. Так водружен был трофей. Столько оруженосцев и вождей, такое громадное войско присутствовало здесь, а он (царь) не мог согнуть руки своей, рука так и оставалась (простертой), громко возвещая о поражении нечестия и победе

благочестия, милосердии Божиим и о безумии царя. И согнуть ее (царь) не мог.

4. Но чтобы нам, при постоянных уклонениях в сторону, не потерять из виду нашего предмета, покажем то, что обещали. Что же я обещал? Обещал я доказать, что если кто имеет и множество ран, но покается и сделает доброе дело, то Бог так заглаживает их, что не остается ни знака, ни следа, ни признака грехов. Это я обещал, это постараюсь доказать. «Слыши небо, и внуши, земле, яко Господь возглагола». Скажи мне, что «возглагола» Он? «Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася мене. Позна вол стяжавшаго» (они бессловесных бессловеснее); «и осел ясли господина своего» (несмысленнее ослов они); «Израиль же Мене не позна, и людие» Меня «не разумеша. Увы, язык грешный» ([Ис. I:2—4](#)). Зачем он говорит это? Разве нет надежды на спасение? Зачем, скажи мне, говоришь ты: «уввы»? Затем, что не нахожу исцеления. Почему говоришь: «уввы»? Потому, что давал я врачевство и не зажила рана, — поэтому Я и отвергнулся. Что же мне делать? Не стану и стараться об излечении. Словом «уввы» Он подражает плачущей женщине, и хорошо поступает. Обратите, прошу вас, тщательное внимание. Почему говорит: «уввы»? Потому, что то же самое бывает и при телесных болезнях. Когда врач видит, что для больного нет надежды на спасение, то плачет, и домашние с родственниками рыдают и стенают, но уже тщетно и напрасно, потому что когда больной должен умереть, то хотя бы восплакал весь мир, он не воздвигнет его. Плач этот происходит следовательно от печали, а не от того, что будто бы он мог возвратить здоровье. Но в отношении к душе этого не бывает; если ты восплачешь, то часто случается, что и воскресишь мертвого душою. Почему? Потому, что умершее тело не восстает человеческою силою, а умершая душа восстает чрез покаяние. Смотри на блудника и восплачь о нем, и не раз восставишь его. Поэтому-то и Павел не только писал, не только увещевал, но и слезно плакал, уча (тому же) всех вас. Пусть ты учишь; для чего еще и плачешь? Для того, чтобы, если бессильно будет наставление, помогли слезы. Так точно плачет и пророк. И Господь наш, предвидя разрушение Иерусалима, говорит: «Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланн्या» к нему ([Матф. XXIII:37](#)), — обращается с речью к падшему городу, подражая плачущему человеку. Так и пророк говорит: «уввы, язык грешный, людие исполнени грехов». Нет здорового места на теле. Видишь, как они покрыты язвами? «Семя лукавое, сынове беззаконнии». Почему плачешь ты, скажи мне? «Остависте Господа и разгневате Святаго Израилева» ([Ис. 1:4](#)). «Что еще уязвляется»? Чем еще поражу вас? Голодом ли? Губительною ли язвою? Все наказания посланы, а нечестие ваше не истребилось. «Прилагающе беззакония? Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль» ([Ис. 1:5](#)). Нет ни струпа, ни язвы ([Ис. 1:6](#)). Новое говоришь ты. Незадолго ты говорил: «семя лукавое, сынове беззаконнии; остависте Господа и разгневате Святаго Израилева», и: «уввы язык грешный». Ты плачешь, скорбишь, рыдаешь, считаешь раны, а потом говоришь: «ни струп, ни язва»? Обрати внимание. Рана называется так тогда, когда все прочие части тела здоровы, а одна часть поражена нечувствительностью. А здесь (пророк) говорит, что все тело — струп. «Ни струп, ни язва, ни рана палящаяся», но «от ног даже до главы... несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания. Земля ваша пуста, гради... огнем пожженни, страну вашу... чуждии поядают» ([Ис.1:6—7](#)). Все это сделал Я, и вы не исправились; Я употребил все искусство, а больной остается мертв. Придите, «услышите слово Господне, князи Содомстии: и ...Гоморрстии. Что ми множество жертв ваших» ([Ис. 1:10—11](#))? Так что же, Он обращает речь к содомлянам? Нисколько, а самих иудеев называет содомлянами; так как они подражали образу жизни последних, то и называет их именем. Придите, «услышите слово Господне, князи Содомстии: и ...Гоморрстии. Что ми множество жертв ваших, глаголет Господь? Исполнен есмь всесожжений овних и тука агнцов ...не хошу. ...Аще принесете ми семидал, всуе: кадило мерзость ми есть. Новомесячий ваших и суббот... ненавидит душа Моя, ...поста и дне великаго не потерплю. Егда прострете руки ваша ко мне, отвращу очи Мои от вас» ([Ис. 1:10—11, 13—15](#)). Что может

сравниться с таким гневом? Пророк призывает в свидетели небо; плачет, проливает слезы, рыдает и говорит народу израильскому: нет «ни струпа», нет «ни язвы». Бог гневается, Он не принимает ни жертвы, ни новомесечия, ни субботы, ни седмидала, ни молитвы, ни воздаяния рук. Видишь язву? Видишь неисцельную болезнь не у одного, не у двоих, не у десяти, а у тысячей? Что же затем? «Измойтесь, чисти будите» ([Ис. 1: 16](#)). Есть ли грех, за который можно бы предаваться отчаянию? Сам Бог говорит: не слышу вас ([Ис. 1:15](#)), и затем говорит: «измойтесь». Для чего Ты говоришь это? То и другое говорится для пользы: то, — чтобы меня утешить, другое, — чтобы привлечь. Если Ты не слышишь их, у них нет надежды на спасение; если они не имеют надежды спастись, то как говоришь Ты: «измойтесь»? Но Он есть человеколюбивый Отец, единый благий, милосердствующий более всякого отца. И чтобы увериться тебе, что Он Отец, Он говорит им: что сделаю с Иудой? Не знаешь, что сделаешь? Знаю, но не хочу. Свойство грехов требует (наказания), но обилие милосердия удерживает. Что сделаю тебе? Поощрю ли тебя? Но ты станешь еще беспечнее. Поражу ли тебя? Но этого не терпит милосердие. Что сделаю тебе? Истреблю ли тебя огнем, как Содом, или разрушу тебя, как Гоморру? «Превратися сердце мое» ([Ос. XI:8](#)). Бесстрастный подражает страстному человеку, или лучше нежно любящей матери. «Превратися»; так сказала бы жена отроку: превратилось сердце мое по природе материнской. Но Он не удовольствовался первыми словами. Смутился в раскаянии моем ([Ос. XI:8](#)). Бог ли смущается? Нет! Да не будет! Божество чуждо смущения; но, как сказал я, Бог подражает нашей речи. «Превратися сердце мое; измойтесь, чисти будите». Что я обещал вам? То, что Бог, принимая кающихся грешников, хотя бы обремененных бесчисленными грехами и покрытых (греховными) струпами, так врачует их, что у них не остается ни следа грехов, не остается ни знака, не остается никакого напоминания. «Измойтесь, чисти будите, отимите лукавства» ваши «от душ ваших, ...научитесь добро творити» ([Ис. I:16—17](#)). Какое добро повелеваешь Ты? «Судите сиру и оправдате вдовицу» ([Ис. I:17](#)). Не тяжки повеления; сама природа ведет к ним, потому что естественно оказывать сострадание к женщине. «Приидите, и истяжимся» ([Ис. 1:18](#)). Сделайте ничтожное, а остальное приложу Я, немного дайте Мне, и Я дарую все. «Приидите». Куда же пойдем? Ко Мне, Которого вы раздражили, Которого прогневали, ко Мне, Который сказал: «не слушаю вас», чтобы, утраившись угрозы, утолили вы гнев Мой. «Приидите» к неслышащему, чтобы я услышал. Что же сотворишь Ты? Не оставлю следа (грехов), не оставлю знака, не оставлю струпа. «Приидите, и истяжимся, глаголет Господь», и говорит: «аще будут греси ...яко багряное, яко снег убелю» ([Ис. I:18](#)). Неужели нигде нет струпа? Нигде скверны? И даже еще с цветом чистоты? «И аще будут яко червленое, яко волну убелю» ([Ис. I: 18](#)). Неужели нигде нет черноты, нигде нет пятна? Как же будет это? Но разве не таковы обетования? «Уста бо Господня глаголаша сия» ([Ис. I:20](#)). Вот, ты видел не только величие обетований, но и достоинство Даровавшего их. Все возможно Богу, могущему сделать чистое из скверного. Итак, прослушав слова Его и познав врачевство покаяния, станем воссылать ему славу, ибо Его слава и держава во веки. Аминь.

О покаянии и о тех, кто оставляют собрания; здесь же о священной трапезе и суде

Как сеятелям нет никакой пользы, когда они бросают семена при дороге, так и нам нет никакой пользы от того, что именуемся христианами, если не оправдываем наименования соответствующими делами. Если желаете, представлю вам достоверного свидетеля (этому), брата Божия, Иакова, который говорит: «вера без дел мертва есть» ([Иак. II:20](#)). Итак, всюду необходимо упражнение в (добрых) делах, а без него и наименование христианином не может принести нам пользы. И не удивляйся. Скажи мне, в самом деле, какая польза воину от того, что он состоит на военной службе, когда он не достоин ее, и, будучи питаем на счет царя, не сражается за него? Может быть, — хотя и ужасно слово мое, — лучше было бы ему не вступать вовсе в военную службу, чем вступивши не радеть о царской чести. Как может не подвергнуться наказанию тот, кто живет на счет царя, а за царя не сражается? Да что говорю я, за царя? Пусть хоть заботились бы мы о своей душе. Но как, скажешь, живя в мире, среди беспокойства, могу я спастись? Что ты говоришь, человек? Хочешь, я кратко укажу тебе, что не место спасает, а образ жизни и произволение? Адам в раю, как бы в пристани, потерпел крушение, а Лот, живя среди содомлян, как бы в море, спасся. Иов заслужил оправдание, будучи на гноищи, а Саул, пребывая в чертогах, лишился и здешнего царства, и будущего. Нельзя оправдываться словами: не могу я жить в мире, среди беспокойства, и спастись. Откуда берется такое оправдание? От того, что вы не часто приходите, одни — на молитву, другие — на божественные собрания. Разве вы не видите, как стараются те, кто желает получить почести от земного царя, и как они склоняют к ходатайству (за них) других, чтобы не лишиться того, чего они домогаются? Это говорится о тех, кто оставляет освященные собрания и в час страшной и таинственной трапезы занимается беседами и пустыми разговорами. Что делаешь ты, человек? Не обещался ли ты священнику, и на его слова: «горе имеем ум наш и сердца», не сказал ли: «имамы ко Господу» [13](#)? Ты не чувствуешь страха, не стыдишься оказаться лжецом в самый страшный час? Удивительно! Когда уготована таинственная трапеза, когда закалается за тебя Агнец Божий, когда за тебя подвизается священник, когда духовный огонь истекает от пречистой трапезы, предстоят херувимы, летают серафимы, шестокрылые закрывают свои лица, все бестелесные силы молят за тебя вместе с иереем, духовный огонь снисходит с неба, от пречистого ребра изливается в чашу кровь в твоё очищение, — ты не боишься, не стыдишься в этот страшный час оказаться лжецом? Из ста шестидесяти восьми часов в неделе один лишь единственный час отделил Себе Бог: неужели ты и тот потратишь на дела житейские, на смех и разговоры? С какою, после этого, дерзостью приступишь ты к таинствам? С какою оскверненною совестью? Неужели ты, с пометом в руках, осмелился бы коснуться края одежды земного царя? Ни в каком случае.

Не полагай, что (это) хлеб, и не думай, что вино, потому что они не выходят из человека, как прочие роды пищи. Нет; не рассуждай так! Но подобно тому как воск, соприкасаясь с огнем, ничего из себя не теряет, и ничего не получает, так точно думай и здесь, что тайны срастворяются с сущностью тела. Поэтому и приступая, не думайте, будто, вы принимаете божественное тело от человека, а представляйте, что вы принимаете божественное тело как бы огонь из клещей самих серафимов, которых видел Исаия ([Ис. 6:6—7](#)), спасительную же кровь станем принимать как бы касаясь устами божественного и пречистого ребра. Не будем поэтому, братия, оставлять собраний, равно как и в них предаваться праздным разговорам: будем стоять со страхом и трепетом, опустя взор долу, а душу имея горе, и с воздыханиями будем восклицать не голосами, а сердцем. Не видите ли, как предстоящие видимому, тленному, временному и земному царю бывают недвижимы, молчаливы, спокойны, не блуждают взором в разные

стороны, а стоят потупившись, смиренно и со страхом? Возьми их в образец себе, человек. Так стойте пред Богом, прошу вас, как если бы вы явились пред лицо земного царя. Пред небесным Царем должно стоять и гораздо с большим страхом. Не перестану повторять, что часто и раньше говорил, пока не увижу вас исправившимися. Входя в церковь, войдем как пристойно пред Богом, не питая в душе злобы, чтобы при молитве нам не молиться против самих себя, говоря: «остави нам... яко же и мы оставляем должником нашим» ([Матф. VI:12](#)). Страшно слово это, и кто произносит его, как бы так взывает к Богу: я оставил, Владыко, оставь и Ты; я отпустил, отпусти и Ты; простил, прости и Ты; сам я не простил, не прощай и Ты; если я не отпустил ближнему, и Ты не отпускай моих согрешений. Какою мерою мерил я, пусть отмерится и мне.

Зная это и помышляя о том страшном дне и представляя тот огонь и страшные наказания, обратимся наконец от пути, по которому блуждали. Настанет час, когда прекратится зрелище этого мира и не будет уже времени для подвигов. Нельзя по окончании жизни заниматься делами, нельзя по прекращении зрелища стяжать венки. Настоящее время — время покаяния, будущее — время суда, теперь — время подвигов, тогда — время венцов; теперь — пора труда, тогда — время отрады; теперь — время изнурения; тогда — время воздаяния. Воспряните, молю, воспряните и с усердием выслушаем то, что говорят нам. Мы жили по плоти, станем же теперь жить по духу; мы жили в плотских удовольствиях, будем теперь жить в добродетелях; жили в небрежении (о грехах), проживем же в покаянии. «Почто гордится земля и пепел» ([Сир. X:9](#))? Что надмеваешься, человек? Что слишком хвалишься? На какую мирскую славу и богатство ты надеешься? Пойдем, прошу тебя, ко гробам и увидим совершающиеся там таинства, увидим разрушившееся естество, изъеденные кости, сгнившие тела. Если ты мудр, поразмысли, и если разумен, скажи мне: кто тут царь и кто простолюдин, кто благородный и кто раб, кто мудрый и кто неразумный?.. Где тут красота юности, где привлекательный взгляд, где миловидные очи, где прекрасный нос, где розовые уста, где цвет ланит, где блестящее чело? Не все ли прах? Не все ли пепел? Не все ли персть? Не все ли червь и зловоние? Не все ли тление? Имея все это в уме и помышляя о нашем последнем дне, обратимся, братия, пока есть у нас время, с нашего пути, по которому мы блуждали. Честною кровью искуплены мы ([1 Петр. I:19](#)). Для того Бог на земле явился; для тебя, человек, Бог на земле явился; не имея, «где главу подклонити» ([Лук. IX:58](#)). О, чудо! Судия ради осужденных приходит на суд; Жизнь вкушает смерти; Создатель терпит заушение от создания; Невидимый серафимами рабом оплевается, оцта и желчи вкушает, копием прободается и во гроб полагается. И ты, человек, скажи мне, нерадишь, спишь и пренебрегаешь (такими чудесами). Не знаешь, что если ты даже прольешь за Него свою кровь, то и тогда еще не выполнил своего долга, потому что иная кровь владычня и иная кровь рабская? Предупреди покаянием и исправлением исход души, чтобы, когда придет смерть, не оказалось уже бессильным всякое врачевство покаяния, потому что только на земле имеет силу покаяние, а в аду оно уже бессильно. Взыщем Господа, пока есть у нас время. Будем делать добро, чтобы нам избавиться и от будущей бесконечной геенны и удостоиться царства небесного благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания

Т. е., что не был стражем брату.

Т. е. проповеданием.

Т. е. непамятование о предмете прежней беседы.

Самая мелкая монета.

Т. е. кроме милостыни и молитвы.

Т. е. повеления Божия — не вкушать от древа познания добра и зла.

«Востани и иди в Ниневию» и проч. ([Ион. I:2](#)).

Т. е. брошенного в ров пророка.

Т. е. епископ Флавиан, в присутствии коего говорена была беседа.

Т. е. собрание слушателей.

Т. е. Навуходоносор, царь вавилонский.

«се, Аз поставляю завет мой вам и семени вашему по вас»

Евхаристический канон.